

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ

въ 1612 году.

ДРАМА

въ пяти дѣйствіяхъ

Константина Аксакова.

МОСКВА.
1848

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ

ВЪ 1612 ГОДУ.

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Константина Аксакова.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Января 11 дня 1848 года.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Оставляя въ сторонѣ художественный вопросъ, хочу сказать нѣсколько словъ о моей драмѣ въ историческомъ отношеніи.

Драма, предлагаемая читателямъ вѣрна исторически, относительно фактовъ. Неважныя, незначущія отступленія нарушить этой вѣрности не могутъ. Люди, знающіе хорошо время междуцарствія, сами увидятъ строгость историческую. Но такъ какъ эта великая эпоха, въ подробности, извѣстна немногимъ, то я и счелъ нужнымъ сказать читателямъ вообще, что всѣ событія и обстоятельства, предлагаемыя въ драмѣ, — вѣрны. Разумѣется, что разговоры, лица неисторическія, и вообще драматическое оживленіе событій и всей эпохи, принадлежитъ сочинителю; но данныя историческія составляютъ основу и сущность драмы. Мнѣ кажется, что вообще изящное произведеніе историческое (драма или повѣсть), должно быть художественнымъ пониманіемъ исторіи, въ извѣстную ея минуту.

Драма вѣрна также относительно характера историческихъ лицъ. — Такъ, на пр. характеръ Салтыкова подтверждается, кромѣ отзывовъ своихъ и иностранныхъ писателей, его письмами.

Но драма (главное) должна быть вѣрна относительно всей эпохи, ея духа, ея значенія. Это ея историческая задача. — Угадана ли и возпроизведена ли эпоха, *жизнь* сама, въ предлагаемой драмѣ, или нѣтъ — объ этомъ предоставляется судить читателямъ.

Константинъ Аксаковъ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ

въ 1612 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прокофій Петровичь Ляпуновъ, думный дворянинъ и воевода.

Князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой, бояринъ и воевода.

Иванъ Мартыновичь Заруцкой, бояринъ и воевода.

Артемій Васильевичь Измайловъ, окольничій.

Князь Иванъ Андреевичь Голицынъ, бояринъ.

Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій, бояринъ.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, бояринъ.

Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ, бояринъ.

Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, бояринъ.

Иванъ Тарасовичь Грамотинъ, думный дьякъ.

Ѳедоръ Андроновъ, думный дьякъ.

Юрій Потемкинъ.

Селиверстъ Толстой.

Панъ Гонсѣвскій, Староста Велижскій.

Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, стольникъ и воевода.

Козьма Миничь Сухорукій, Выборный отъ всей земли Русской.

Князь Дмитрій Петровичь Лопата-Пожарскій

Князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасской.

Князь Семенъ Васильевичь Прозоровскій.

Михайло Самсоновичь Дмитріевъ.

Князь Ѳедоръ Оболенскій.

Аѳанасій Коломна, атаманъ.

Филатъ Межековъ, атаманъ.

Марко Козловъ, атаманъ.

Дружина Романовъ, атаманъ,

Степанъ Ташлыковъ, атаманъ.

Стенька.

Обрѣзка.

Шанда.

Иванъ Кондыревъ.

Иванъ Бѣгичевъ.

Княгиня Прасковья Варѳоломеевна Пожарская.

Бояре, Дворяне, Купцы, Стрѣльцы, ратные и всякіе люди московскаго государства.

Поляки, иностранцы и проч.

Народъ.

Первое дѣйствіе въ Москвѣ. Второе около Москвы. Третіе въ Нижнемъ Новгородѣ. Четвертое въ Ярославлѣ. Пятое въ Москвѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

(1611 годъ 19 марта).

ЯВЛЕНІЕ I.

Красная площадь. Народъ толпится.

Андрей.

Вотъ вамъ; вотъ и присягнули Владиславу. Что? Ляхи въ Кремлѣ; Ляхи въ Стрѣлецкомъ Приказѣ; Ляхи у пушекъ на стѣнахъ. Что?

Иванъ.

И не то еще будетъ: не уцѣлѣетъ и Успенской Соборъ; не уцѣлѣютъ Божьи церкви; не уцѣлѣетъ и Русская земля.

Антонъ

Чтó дѣлать! Виноваты Ляхи; они не соблюли договора. Я знаю договоръ, и всѣ мы его знаемъ; по дого-

вору Желтовскому надо было отойдти отъ Москвы, а онъ на мѣсто того вошелъ въ неё. — Договоръ не соблюденъ.

Народъ.

Не соблюденъ; договоръ не соблюденъ.

Андрей.

Такъ знать мы не хотимъ Владислава!

Народъ.

Не хотимъ, не хотимъ!

Ермилъ.

Старая собака, Король, не хотѣлъ прислать намъ своего щенка,—такъ и не надо его.

Елизаръ.

Русь такая невѣста, что мы скоро найдемъ ей жениха.

Еремей.

Что говорить! Надо сказатъ правду: какой намъ Царь Владиславъ, коли онъ не православный.

Народъ.

Вѣстимо, что онъ за Царь!

Иванъ.

Да что, братья, съ тѣмъ ли мы присягали, чтобы царь у насъ былъ Латынецъ, а?

Народъ.

Вѣстимо нѣтъ.

Антонъ.

Эхъ, зачѣмъ мы присягали!

Андрей.

Такъ, зачѣмъ мы присягали; да вѣдь мы присягали государю православному, а не латынцу.

Народъ.

Такъ.

Иванъ.

Это дѣло; а вотъ и другая рѣчь: присягали мы не просто, а на договорѣ; договоръ не соблюденъ, такъ и присяга не въ присягу.

Народъ.

Присяга не въ присягу.

Елисей.

Присягали мы и Гришкѣ Отрепьеву; да развѣ это ему мы присягали? Присягали мы Димитрію Іоанновичу, нашему государю законному, а вышелъ онъ не Дмитрій Іоанновичь, а самозванецъ, обманщикъ, государь незаконный. Прежде мы не знали, отъ того и присягнули, а потомъ узнали,—такъ какая тутъ присяга: тутъ ея какъ и не бывало.

Народъ.

Дѣло.

Елисей.

Такъ; и всегда такъ было и будетъ; ну, а про теперешнее и говорить нѣчего. — Да чего тутъ! знаете

ли, братья? Вѣдь Прокофій Петровичь Ляпуновъ.... вѣдь вы его знаете?

НАРОДЪ.

Какъ не знать!

ЕЛИСЕЙ.

Ну знаете. Такъ Прокофій Петровичь подымается со многою землею подъ Москву намъ на выручку, чтобы всѣхъ долой, и Ляховъ, и Шведовъ, и Маринку съ сыномъ — всѣхъ; землю очистить и своего Царя всею землею выбрать.

ВЪ НАРОДѢ.

И мы слышали, и мы слышали.—Многія лѣта Прокофью Петровичу и всѣмъ добрымъ людямъ!

ИВАНЪ.

Выбрать Русскаго?

ЕЛИСЕЙ.

Русскаго.

НАРОДЪ.

Вотъ это дѣло!

ЕЛИСЕЙ.

И святѣйшій Патріахъ благословляетъ Прокофья Петровича Къ Патріарху приходилъ измѣнникъ Михайло Салтыковъ: »не вели дескать Ляпунову вооружаться«; а святѣйшій Ермогенъ и говоритъ: »не велю, коли крестится Владиславъ и всѣ Ляхи тотчасъ выдутъ вонъ; велю, коли того не будетъ.« — А измѣн-

никъ - то Михайло Салтыковъ кинулся на него съ ножемъ.

Въ народѣ.

Ахъ окаянный! Предатель! Измѣнникъ!

Елисей.

Святѣйшій Патріархъ осѣнилъ его крестомъ. — »Крестное знаменіе, говоритъ, противъ окаяннаго ножа твоего«; и попрекнулъ князя Мстиславскаго, который тутъ же былъ, за слабодушіе. — А самъ святѣйшій Патріархъ въ великой тѣснотѣ, и стоитъ все неколебимо за Вѣру православную и Русскую землю.

Въ народѣ.

Святѣйшій Патріархъ! заступникъ нашъ! стоитъ за правду и за насъ грѣшныхъ. Боже, благослови его!

Ермилъ.

Да я самъ слышалъ, какъ говорилъ онъ громко на площади: »разрѣшаю отъ присяги Королевичу«.

Въ народѣ.

И я слышалъ, и я слышалъ!

Андрей.

Онъ и грамоты писалъ въ города, чтобы шли и стали за Вѣру православную.

Антонъ.

Охъ, крутыя времена! Всѣ мы въ раздѣлены. — Стать бы намъ за одно душами и головами, и лечь за Русскую землю.

Въ народѣ.

Готовы мы стать; станемъ, братья!

Иванъ.

Королевичу присягали! Король хочетъ насъ подобрать себѣ и Русскою землею завладѣть. — Смоленскъ тѣснитъ, это видимое дѣло. — Указы пишетъ отъ своего имени Боярской Думѣ.

Антонъ.

Святѣйшаго Патріарха самаго и добрыхъ бояръ князя Андрея Голицына, Воротынскаго и Засѣкина, за приставы держатъ.

Елисей.

Владѣютъ нами Ляхи, гибнетъ Русская земля!

Народъ.

Горе!

Ермилъ.

То-то, дѣти; говорилъ я, не выбирать иноземца. Ну какое добро отъ Царя иноземца, будь онъ Ляхъ, Шведъ или Нѣмецъ? Ну какъ ему Русскаго человѣка знать и Русскою землею править? Ну что за Царь Русской землѣ иноземецъ? Съ нимъ горе будетъ Русской землѣ.

Народъ.

Правда.

Андрей.

Горькія времена; вездѣ гибель; горе бѣдной нашей Русской землѣ. Спаси ее Богъ!

Народъ.

Горе!

(*Молчаніе*).

Елисей.

Станемъ, братья, за Вѣру православную, за землю Русскую; положимъ за нее свои головы. Не дадимъ на поруганіе Божіихъ церквей, женъ и дѣтей на плѣненіе, Христовой Вѣры на раззореніе.

Народъ.

Не дадимъ, не дадимъ! Станемъ, какъ одинъ человѣкъ! Ляжемъ за Вѣру православную и землю Русскую.

Прохоръ.

Теперь, что ли?

Многіе.

Теперь, теперь!

Ермилъ.

Погодимте еще; посмотримъ, что будетъ. Ляпуновъ подходитъ; потерпимъ и разомъ грянемъ на Поляковъ.

Антонъ.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Иванъ.

На Бога надѣйся, а самъ не плошай. Только погодимте, отложимте; потерпимъ немного и дружно нападемъ.

Елисей.

Потерпимъ, отложимъ; отъ святаго дѣла не отказываемся; потерпимъ только.

Андрей.

Покуда есть терпѣнье.

Елизаръ.

Да на долго ли его станетъ?

Елисей.

На сколько станетъ.

Андрей.

Вонъ идутъ бояре измѣнники: князь Ѳедоръ Ивановичь, князь Иванъ Семеновичь, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ.

Елисей.

Это еще не самые злые предатели.

Ермилъ.

Сердечные, не грѣхъ вамъ продавать землю Русскую? Не грѣхъ вамъ робѣть и шататься? Бѣдные, жалко васъ! Не хватило бы что ли тебя, князь Ѳедоръ Ивановичь, на то, чтобы лечь головою за Русскую землю? Кажется не разъ бывалъ ты изрубленъ въ битвахъ. Или одной храбрости мало?

Иванъ.

Пойдемте, братья; они намъ чужіе пока; у насъ съ ними нѣтъ общаго дѣла. Они на нашъ совѣтъ не годятся.

(*Народъ медленно расходится*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Кн. Мстиславскій, Шереметевъ, кн. Куракинъ.

Шереметевъ.

Народъ-то все собирается.

Куракинъ.

Да и посматриваетъ не весело; не послать ли за польскою дружиной?

Мстиславской.

На что́, князь; лучше бы, кабы и вовсе ея въ Москвѣ не было.

Куракинъ.

Когда бы не лучше, да видишь ты, дѣла-то какія; намъ безъ польской дружины нельзя: народъ, того и гляди, вспыхнетъ.

Шереметевъ.

Ахъ, тяжело смотрѣть на Поляковъ въ Кремлѣ!

Куракинъ.

Да вѣдь мы сами, бояре, на то согласились.

Шереметевъ.

Да дѣлать-то другаго намъ нѣчего; по всей землѣ смута, одни стоятъ за то, другіе за другое, и всѣ перемѣшаны разбойниками, которымъ только бы грабить, да жечь. — Какъ же быть-то тутъ? Конечно, лучше выбрать Владислава; отъ Польши мы избавляемся: Польша станетъ намъ другъ; а главное, ужъ будемъ знать по крайней мѣрѣ за кого стоять; шатанья-то не будетъ.

Куракинъ.

Вѣдь Владиславъ крестится; вѣдь мы не съ дуру ему поддались; вѣдь мы написали договоръ.

Мстиславской.

Ну вотъ, точь въ точь я говорилъ это князю Андрею.

Куракинъ.

Чтожъ?

Мстиславской.

И слушать не хочетъ. »Чего тутъ, говоритъ, за кого нибудь стоять; стой за Вѣру православную и за Русскую землю, противъ всѣхъ враговъ, сколько бы нибыло; а тамъ ужъ всею землею выберемъ царя. Да, говоритъ, развѣ не видите вы, что вы Ляхамъ поддались, и Ляхи васъ проводятъ, что Король прочитъ васъ себѣ? Договоръ-то, молъ, ужъ нарушенъ.«

Куракинъ.

Ты бъ ему сказалъ, что нельзя безъ уступокъ; хоть на первыхъ порахъ.

Мстиславской.

Да я говорилъ.

Куракинъ.

Чтожъ?

Мстиславской.

Нѣтъ, молъ, уступокъ-то и не надо.—»Еще, говоритъ, кабы вы крѣпко стояли на чемъ положено, а то вы сейчасъ и попятили. Да, говоритъ, оно и лучше: теперь говоритъ, сами Ляхи виноваты, такъ мы ихъ и знать не хотимъ. Оно, говоритъ, хорошо, что такъ вышло, что Ляхи первые договора не соблюли. Намъ, говоритъ, не надо Владислава; намъ, молъ, всѣхъ выгнать. Да, говоритъ, и Патріархъ Поляковъ не хочетъ и отъ присяги Владиславу разрѣшаетъ.«

Куракинъ.

Что правда, то правда: Патріархъ противъ насъ.

Шереметевъ.

Всѣхъ враговъ выгнать! Да какъ ихъ выгонишь?

Мстиславской.

Ну какъ ихъ выгонишь?

Шереметевъ.

Скажу я вамъ, бояре, одно: портитъ насъ и всѣхъ насъ пачкаетъ эта паршивая овца, дьяволъ этотъ

Салтыковъ; да еще Өедька Андроновъ съ плутомъ Иваномъ Грамотинымъ.

Мстиславской.

Безбожникъ окаянный!

Куракинъ.

Антихристъ проклятый!

Шереметевъ.

А вѣдь мы терпимъ, бояре

Мстиславской.

Да какъ не терпѣть, — дѣлать-то нечего.

Шереметевъ.

Вѣдь онъ прямо говоритъ, что надо не Королевичу, а Королю, Польшѣ поддаться.

Мстиславской.

Эхъ, тяжело и трудно!

Куракинъ.

На умѣ мы все свое держать будемъ, да и на дѣлѣ только за Владислава будемъ.

Шереметевъ.

А Король отъ своего имени указы пишетъ Думѣ.

Мстиславской.

Ахъ, трудныя времена!

Куракинъ.

Не всяко лыко въ строку.

Шереметевъ.

Не многоль мы уступаемъ?

Куракинъ.

Да дѣлать-то нѐчего. Съ ними намъ ссориться нѐ приходится; нельзя; — какъ быть-то?

Шереметевъ.

Вѣстимо трудно.

Мстиславской.

Охъ, трудно!

Куракинъ.

Кто это тамъ идетъ? Никакъ Михайло Глѣбовичь.

Шереметевъ.

Салтыковъ!

Мстиславской.

Чортъ бы его побралъ.

Куракинъ.

И съ Гонсѣвскимъ.

Шереметевъ.

Такъ и есть.

Мстиславской.

Охъ, лучше бы, кабы былъ у насъ царь, да послалъ меня на бой; тамъ дѣло просто; тамъ знаешь

только, что вынимай саблю, да и дерись. Уйдемте, бояре.

Куракинъ.

Насъ увидали, идутъ къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже. Салтыковъ и Гонсѣвскій.

Салтыковъ, *(издали, подходя).*

А, вонъ Мстиславской съ товарищи, — каша съ масломъ. *(Подходитъ).* Здравствуй князь Ѳедоръ Ивановичь! здравствуйте бояре!

Бояре.

Здравствуй Михайло Глѣбовичь! здравствуй панъ Гонсѣвской!

Салтыковъ.

О чемъ это совѣтъ у васъ?

Куракинъ.

Совѣта никакого нѣтъ: такъ толковали.

Шереметевъ.

Что, панъ Гонсѣвской? Нѣтъ ли вѣстей отъ пословъ нашихъ? Скоро ли будетъ Царь нашъ, Владиславъ Жигимонтовичь?

Гонсѣвскій.

Нетерпѣливъ ты, бояринъ; тебѣ ли указывать Царю?

Куракинъ.

Для его же государской милости лучше будетъ скорѣе пріѣхать.

Салтыковъ.

Хорошъ ты, князь, вѣрный подданный; коли тутъ нѣтъ государя, такъ и твердости въ тебѣ нѣтъ.

Куракинъ.

Я не про то говорю; я присягалъ Царю Владиславу Жигимонтовичу, Владимерскому, Московскому и всея Руси, и не измѣню ему; да вѣдь въ народѣ-то сомнѣніе большое.

Салтыковъ.

Ну тутъ еще народъ; вѣдь народъ глупъ; гроза ему нужна.

Шереметевъ.

Глупъ онъ или не глупъ, а какъ зашумитъ, такъ унять его трудно.

Салтыковъ.

Да, когда вы, бояре, будете все потакать, да дѣло тянуть, да коснѣть.

Мстиславской.

Что́ же дѣлать намъ, Михайло Глѣбовичь? Не за нами дѣло стало: государь Король не присылаетъ

своего сына Царя Владислава Жигимонтовича всея Руси; пойдетъ избавить насъ отъ измѣнниковъ и прочихъ иноземныхъ враговъ.

Гонсѣвскій.

Повѣрь, князь, Король нашъ не замедлитъ; панъ Гетманъ сдержитъ свое слово.

Салтыковъ.

А я вотъ что скажу. Король на васъ гнѣвенъ, бояре. За что́ вы выбираете сына, а не его? Онъ, чай, поопытнѣе будетъ, и государство наше мигомъ умиритъ.

Шереметевъ.

Какъ это? Вѣдь мы цѣловали крестъ Владиславу?

Салтыковъ.

Такъ чтожъ?—Король за это, за такую перемѣну, не разсердится. Какъ Королевичь будетъ Польскимъ государемъ, такъ и все его, и Русь его будетъ; и цѣлованье ваше не пропадетъ.—Повѣрьте: какъ Король увидалъ бы вашу вѣрность и подданство, вмигъ бы пошелъ и умирилъ бы землю Русскую; отъ того, можетъ быть, онъ и медлитъ, что ждетъ отъ васъ послушанія, и еслибъ вы любили побольше Русскую землю....

(Во все продолженіе этого явленія, народъ, по одному, по двое и больше, проходитъ чрезъ сцену.)

Шереметевъ.

Что ты путаешь, Михайло Глѣбовичь? Это выходитъ поддаться Польшѣ.... Панъ Госѣвской, твои это рѣчи?

Гонсѣвскій.

Нѣтъ, бояринъ, мы стоимъ на томъ, на чемъ положено; поддаться Королю мы не уговариваемъ.

Мстиславской.

Какъ же это ты, Михайло Глѣбовичь? Вотъ подданный королевской, да и тотъ не уговариваетъ поддаться Королю.

Салтыковъ.

Чтожъ мнѣ? Панъ Гонсѣвской какъ себѣ хочетъ. Я для его королевской милости стараюсь, его королевской милости добра хочу. Не такъ что ли? Я его королевской милости самъ вѣрный подданный.

(Бояре въ изумленіи молчатъ).

Крестьянинъ, *проходя.*

Измѣнникъ!

Салтыковъ, *быстро оборачивается.*

Ахъ ты мужикъ проклятый! Ишь снуютъ! Добро! *(Обращаясь къ боярамъ).* Я за его королевскую милость радъ голову положить; не измѣнникъ ему, какъ вы, бояре!

Шереметевъ.

Онъ же насъ измѣнниками называетъ. Мы знаемъ договоръ. Вѣдь вотъ панъ Госѣвской на договорѣ же стоитъ. Такъ?

Гонсѣвскій.

Такъ.

Куракинъ.

Мы стоимъ на прежнемъ, и коли ты на прежнемъ стоять будешь, такъ мы съ тобой за одно, и отъ Царя нашего Владислава не отступимся. Я и биться съ ворами подъ Владимеръ ходилъ, а не удалось побить ихъ, такъ не моя вина. — Богъ побѣды не далъ.

Салтыковъ.

Панъ Гонсѣвской! Не такъ служишь ты его Королевской милости, какъ я.

Гонсѣвскій.

Бояринъ, ты воленъ дѣлать, какъ хочешь. Король не оставитъ и наградитъ твое усердіе. Но я знаю договоръ, и покуда бояре будутъ на немъ стоять, я все на договорѣ стоять буду.

Шереметевъ, *Салтыкову*.

То-то же, а ты насъ измѣнниками величаешь. Самъ-то ты договора....

Салтыковъ.

Да что ты такъ, Ѳедоръ Ивановичь, поговариваешь? (*Къ Мстиславскому и Куракину*). Да и ты, Князь! Да и ты, Князь! Не писали вы, что ли, Королю о вотчинахъ вашихъ, чтобы утвердилъ, да еще пожаловалъ? Не его вы просили, что ли? Такъ стало ужъ вы сами ему поддались. Нѣтъ, бояре! Дѣла не такъ дѣлаются! Вонъ тѣ, что договоръ-то очень блюдутъ, что противъ-то нашего дѣла, такъ тѣ за приставы сидятъ. Вѣдь вы и Ляпунова сами измѣнникомъ называете. — Или онъ можетъ и не измѣнникъ ужъ по вашему?

Куракинъ.

Когда не измѣнникъ!

Салтыковъ.

Ну, а коли Ляпуновъ по вашему измѣнникъ, такъ ужъ вамъ со мною спорить не приходится. Либо то, либо другое: либо Короля объ вотчинахъ просить и объ договорѣ не толковать, либо съ княземъ Андреемъ и другими за приставы сидѣть; а вѣдь съ вашего же приговора ихъ и посадили. *(Бояре въ смущенiи молчатъ.)* Вы же и пана Гонсѣвскаго противъ договора принять согласились.

(Бояре молчатъ).

Салтыковъ, *Гонсѣвскому.*

Ты, панъ Гонсѣвской, какъ себѣ тамъ хочешь: потакай имъ, если хочешь, а за Польскою дружиной послать надо; надо унять вонъ этихъ сѣрозипунниковъ.— Мнѣ Московскiе обычаи старовѣдомы: такъ я тебѣ говорю, не зѣвай.

Гонсѣвскiй, *оглядываясь.*

Тутъ, кажется, никого нѣтъ.

Салтыковъ.

Нѣтъ — такъ будетъ.

Гонсѣвскiй.

Какъ вы думаете, бояре?

Куракинъ.

Дѣлай, какъ знаешь. *(Мстиславскому и Шереметеву, между тѣмъ, какъ Салтыковъ улыбается и говоритъ съ*

Гонсѣвскимъ). Уйдемте, бояре; осѣтилъ совсѣмъ; сущій дьяволъ. — Смотрите-ка: лице горитъ, какъ жаръ.

Шереметевъ.

Что здѣсь оставаться. Господи, твоя воля! что́ это мы слышали.

Мстиславской.

Смутилъ совсѣмъ, окаянный! Уйдемте, бояре. *(Гонсѣвскому).* Прощай, панъ Госѣвской.

Гонсѣвскій.

Прощайте, бояре.

Салтыковъ.

Смотрите, бояре. Потомъ не пенять, какъ Король на васъ неправду взыщетъ.

Мстиславской.

Мы ни въ чемъ его королевской милости не согрубили. Ты, Михайло Глѣбовичь, на насъ не клепли.

Куракинъ.

Прощай, Михайло Глѣбовичь.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гонсѣвскій и Салтыковъ.

Салтыковъ.

Эхъ, панъ! Еще меня выдаешь!

Гонсѣвскій.

Нельзя, бояринъ, мнѣ отъ договора публично отказываться. Я твоему дѣлу радъ; я бы конечно радъ, чтобы наияснѣйшій Король нашъ завладѣлъ Московскимъ государствомъ, да съ моей стороны нельзя договора нарушать: благоразуміе того не велитъ; да и панъ Гетманъ далъ мнѣ особый наказъ.

Салтыковъ.

Благоразуміе! надо было попрежде о благоразуміи думать; благоразуміемъ теперь не возмещь. *(Подумавъ).* Впрочемъ, это тоже хорошо; ты стой за договоръ и пусть они за тебя держатся, а я буду ихъ къ Королю приводить; не уйдутъ. — Пусть меня ругаютъ, кричатъ: Михайло Салтыковъ анаѳема проклятъ! а на своемъ-то ужъ все я поставлю.

Гонсѣвскій.

Да позволь тебѣ сказать, бояринъ: и ты говоришь и мысли свои обнаруживаешь слишкомъ явно: хоть ты человѣкъ и искусный, а кажется лучше было бы постепенно.

Салтыковъ.

Эхъ, не учи меня, панъ Гонсѣвской! Явно! Пришлось говорить явно, когда Король меня не слушаетъ. Я

писалъ пану Сапѣгѣ. Пусть Король броситъ Смоленскъ и идетъ съ войскомъ, будто бы выгнать Тушинскаго вора и разныя разбойничьи шайки; а какъ будетъ онъ въ Можайскѣ, я бояръ и наведу на то, что пришлютъ просить его въ Москву, такъ тогда Москва и его. — А онъ все Смоленска добивается. — Писалъ я, коли Москва будетъ его, и Смоленскъ будетъ его, и все его. Нѣтъ, не послушалъ меня. — Другаго теперь дѣлать нечего, какъ прямо на нихъ идти, насильно ихъ къ Королю приводить, — придутъ. — Ужъ чего мнѣ скрываться, коли я на Патріарха съ ножемъ бросился. — Охъ, всего труднѣе съ Патріархомъ сладить; этого не попятишь. — Однако, панъ, я говорю тебѣ не шутя: Польскую дружину собери; мужики что-то очень хмурятся. Да не мѣшкая.

Гонсѣвскій.

Развѣ ты думаешь, что нужно?

Салтыковъ.

Нужно.

Гонсѣвскій.

Я однако никого трогать не стану.

Салтыковъ.

Да тебя скоро тронутъ

Гонсѣвскій.

Ну, а если тронутъ, мы увидимъ.

Салтыковъ.

Не позволяй хоть толпами собираться.

Гонсѣвскій.

Это другое дѣло. Да конечно и на готовѣ быть никогда не мѣшаетъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Салтыковъ одинъ.

Салтыковъ.

Нѣтъ, голубчики, вамъ отъ Короля не уйдти. Да и тебѣ, панъ Гонсѣвской, не уйдти отъ меня. Да и Королю-то придется безъ меня ничего не дѣлать — А Ѳедька-то Андроновъ туда же полезъ: подлещается къ пану Сапѣгѣ; и отъ Вѣры православной отступился. — Помѣстья туда же сулитъ; туда же за правительство берется. Мужикъ торговый! Что такому знать правительство. — Я пану Сапѣгѣ написалъ про него. Ахъ, да вотъ онъ идетъ, окаянный!... Въ Польскомъ платьѣ похаживаетъ!... Печатникъ, дьякъ думный!...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Салтыковъ и Андроновъ.

Салтыковъ.

Куда это ты пробираешься?

Андроновъ.

А гдѣ ясневельможный панъ Гонсѣвскій?

Салтыковъ.

Что ты ему въ уши надувать хочешь?

Андроновъ.

Желалемъ бы позрить его наияснѣйшаго лица.

Салтыковъ.

Ахъ ты ласкатель этакой! Мужикъ ты торговый!

Андроновъ.

Вѣдь мы же, панъ, однѣ штуки съ тобою затѣваемъ.

Салтыковъ.

Нѣтъ, тѣхъ же щей, да пожиже влей. — Съ бояриномъ за одно нарохтится; нѣтъ, далеко кулику до Петрова дни.

Андроновъ, *усмѣхаясь.*

Куда намъ, милостивый пане!

Салтыковъ.

То-то, пане.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Грамотинъ.

Грамотинъ.

Гдѣ ясневельможный панъ Гонсѣвской.

Салтыковъ.

А тебѣ зачѣмъ, Иванъ Тарасовичь?

Грамотинъ.

Треба.

Салтыковъ.

Да, я думаю, онъ на своемъ дворѣ. Вотъ и этотъ меня объ томъ же спрашивалъ.

Андроновъ.

А панъ бояринъ за то нещадно гоноръ мой оскорбилъ.

Грамотинъ, *Салтыкову*.

Что же такъ, панъ? Намъ не добре ссориться: всѣ мы едному служимъ.

Салтыковъ.

Да что́ вы языкъ-то ломаете! Служимъ мы, да не такъ, вонъ какъ этотъ проныра. Я прямо иду.

Грамотинъ.

Ты Королю, и мы Королю.

Салтыковъ.

Я передъ Поляками не извиваюсь; языка своего не ломаю. Говорю, что хочу служить Королю, да и только. — За меня Поляки сами уцѣпятся; увидятъ, что имъ безъ меня шагу ступить нельзя.

Андроновъ.

А ссориться намъ не треба.

Салтыковъ.

Треба. Я, братъ, ужъ не прячусь; ужъ коли продалъ, такъ продалъ; и кланяться ни кому не кланяюсь. — Вы подъ Поляками, а я надъ Поляками. То-то же.

Грамотинъ.

Ты думаешь, что Русской землѣ хорошо будетъ, или что его Королевской милости будетъ хорошо?

Салтыковъ.

Мнѣ будетъ хорошо.

Андроновъ.

О пане! А я объ его Королевской милости лишь помышляю.

Салтыковъ.

Полно ты, лисій хвостъ, трусишка поганый!

Грамотинъ.

И я тѣмъ же манеромъ.

Салтыковъ.

Полноте вы, прихвостники! О себѣ всякой думаетъ, да сказать боится. Погоди, еще впереди много бурь-то

будетъ; лисица хвостомъ и виляетъ. — А ужъ худо ли, хорошо ли будетъ, — а я ужъ на той сторонѣ. Ну, чортъ съ вами. *(Уходитъ).*

Андроновъ.

До забаченья, панъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Андроновъ и Грамотинъ.

Андроновъ.

Какой пышный панъ; экой звычай бычій.

Грамотинъ.

А умъ-то не телячій; ну да пусть его, какъ хочетъ; пановать-то онъ не больно очень станетъ; погоди, мы возьмемъ свое. Вѣдь мы не о себѣ, о его Королевской милости стараемся; онъ насъ и наградитъ.

Андроновъ.

Истинно такъ, панъ. Я не жалѣю жице для его Королевскаго маестата.

Грамотинъ.

Единъ Король землю нашу умирить можетъ. Чего намъ лучше, якъ быть въ Королевскомъ подданствѣ? Чего лучше для нашей земли?

Андроновъ.

Такъ, панъ. Что́ мелятъ всѣ эти измѣнники другое! мы не столько о насъ самихъ, якъ о его Королевской милости заботимся.

Грамотинъ.

Такъ, панъ. Мы не свои; мы Королевскіе.

Андроновъ.

Такъ, панъ.

Грамотинъ.

А мужичье-то, панъ, что-то затѣваютъ.

Андроновъ.

Ахъ, да перебить ихъ, мошенниковъ.

Грамотинъ.

Подданства его милости, Королевскому Величеству наияснѣйшему, не хотятъ принести.

Андроновъ.

Идемо къ ясновельможному пану Гонсѣвскому и сказуемо ему добрый совѣтъ.

Грамотинъ.

Идемо, пане милостивый.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сцена нѣсколько времени пуста. Выходятъ двое, потомъ немедленно, но постепенно наполняется вся сцена народомъ.

Иванъ.

Вонъ измѣнники треклятые, душепродавцы!

Семенъ.

Ишь, одинъ въ Польскомъ платьѣ; это вѣрно самый поганый измѣнникъ. *(Смотритъ)*. Онъ, Ѳедька Андроновъ.

Василій.

Слышали ли вы, что тутъ толковали бояре? Они никакъ прямо Королю поддаться собираются.

Иванъ.

Да, они хотятъ поддаться Королю и предать ему землю Русскую; я самъ слышалъ ихъ рѣчи.

(Молчаніе).

Антонъ.

Долго ли имъ крамольничать?

Семенъ.

Пора бы съ корнемъ вонъ измѣнниковъ!

Народъ.

Пора!

Андронъ.

Эти Ляхи, пучки поганые, господами у насъ похаживаютъ. Иль мы согласились быть ихъ холопями?

Народъ.

Нѣтъ.

Иванъ.

Не столько пучки эти богопротивны, какъ Русскіе измѣнники, окаянные предатели.

Народъ.

Такъ.

Еремей.

А коли не согласились бытъ холопями Ляховъ, чего же мы ждемъ? Измѣна отъ всѣхъ сторонъ, братья.—Кто же станетъ за Русскую землю, кто же спасетъ её и Вѣру православную, когда не мы? Какой отвѣтъ дадимъ мы Богу за наше коснѣнье? Попомнимъ это.

Народъ.

Не потерпимъ того

Иванъ.

Разорятъ Вѣру православную, плѣнятъ землю Рускую.

Народъ.

Не будетъ того.

ЯВЛЕНІЕ X.

Народъ и Польская дружина.

(Народъ стоитъ на одной сторонѣ, нѣсколько въ отдаленіи).

1-й Полякъ.

Гдѣ же народъ?

2-й, *указывая.*

Вонъ онъ, стоголовый звѣрь.

3-й.

Эй вы, мужичье! Расходи́тесь, маршъ!

(Народъ молчитъ и не расходится).

4-й.

Эй вы, оглохли! Долой съ площади! Нехъ васъ вшистки дьябли....

(Народъ молчитъ и не расходится).

2-й.

Эй, будетъ вамъ худо. Долой! *(Видя, что народъ молчитъ и не расходится, хватаетъ ближайшаго, Ивана).*

Иванъ, *отталкивая.*

Тише! Да вы-то что здѣсь самовольничаете? Что́ мы, холопи ваши что ли? Убирайтесь сами къ чорту!

1-й.

Ого-го, панибраты, какъ они поговариваютъ!

2-й.

Дьябли! Ахъ вы Москали проклятые!

Семенъ.

Молчать вы пучки!

(Ропотъ).

3-й.

Долой съ площади, Москали! *(Кидается на нихъ; его отталкиваютъ).*

Еремей.

Съ нашей площади, да насъ же и гонятъ. А! каковы!

Антонъ.

Тише вы, Ляхи безмозглые, а то не сдобровать вамъ.

(Ропотъ).

4-й.

Ну слушайте же Москали. Если вы сію минуту не разойдетесь, то не пеняйте: мы васъ саблями прогонимъ. Ну, расхóдитесь, что ли? — Отвѣчайте!

(Народъ молчитъ и не расходится).

А, коли такъ, ну, панибраты! *(Поляки кидаются на народъ съ саблями).*

Народъ, *весь обращается въ кликъ и громъ.*

А такъ вотъ оно! Долой же Ляховъ! Долой, братцы, бей Ляховъ, бей Русскихъ измѣнниковъ! Пришелъ часъ постоять за Вѣру православную, за землю Русскую!

(Ляхи бѣгутъ, народъ за ними).

(Черезъ сцену пробѣгаютъ нѣсколько человѣкъ изъ народа съ крикомъ: за землю Русскую! бей измѣнниковъ! *Потомъ еще нѣсколько, на скоро вооруженные).*

(Ермилъ и Елизаръ *выходятъ поспѣшно*).

Ермилъ.

Что тамъ? Шумъ, схватка!

Елизаръ.

Наши дерутся съ Ляхами.

Ермилъ.

Видно пришло стать за землю Русскую и за Вѣру православную. (*Бѣжитъ*).

Елизаръ.

За Вѣру православную, за землю Русскую! (*бѣжитъ; обратившись, молодому малому, бѣгущему за нимъ*). Вели ударить въ набатъ.

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Улица. Домъ Князя Андрея Голицына.

Два Стрѣльца, *стоятъ у входа.*

1-й Стрѣлецъ.

Охъ, чѣмъ-то все дѣло кончится?

2-й Стрѣлецъ.

Какое дѣло?

1-й Стрѣлецъ.

Какъ какое? — Земское дѣло.

2-й Стрѣлецъ.

Земское-то дѣло плоховато.

1-й Стрѣлецъ.

Ка́къ его узнаешь, гдѣ правда: присягнули Владиславу, а на измѣну похоже. Ну пока еще и держишься, какъ дѣла-то порядкомъ не знаешь, пока на чистоту оно не выходитъ.

2-й Стрѣлецъ.

А сдается, что правда вонъ тамъ сидитъ. (*Указываетъ на дверь*).

1-й Стрѣлецъ.

Или изъ Рязани подъ Москву идетъ.

2-й Стрѣлецъ.

Оно все одно.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже и Егоръ и Иванъ, идутъ съ разныхъ сторонъ по улицѣ.

Егоръ.

А, здорово!... Слышалъ ты?

Иванъ.

Что?

Егоръ.

Наши схватились съ Поляками.

Иванъ.

Въ правду? Давно пора; пойдемъ туда; возьмемъ, чтó ни попало.

Егоръ.

Идемъ къ нашимъ на выручку.

(Идутъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Вбѣгаетъ отрядъ Поляковъ.

Поляки.

А Москали, проклятые! Бей ихъ! *(Бросаются на нихъ; тѣ падаютъ. Поляки кидаются къ дверямъ).*

Стрѣльцы, *загоражиаютъ входъ.*

Вы куда?

Поляки.

Къ Князю Андрею.

Стрѣльцы.

Не пустимъ.

Поляки.

Ахъ вы, бородачи. Давай дорогу!

Стрѣльцы.

Не дадимъ.

Поляки.

Что съ ними толковать!

(Схватка; одни дерутся съ Стрѣльцами, другіе вламываются въ дверь. Крикъ и шумъ. Чрезъ нѣсколько времени выносятъ израненнаго Голицына.)

Поляки.

А, что, Князь проклятый! Будешь врагомъ Поляковъ?

Стрѣльцы, *кидаются къ нему.*

Батюшка ты нашъ!

Поляки не пускаютъ ихъ; дерутся; Стрѣльцы скоро падаютъ).

Поляки.

Вотъ вамъ поганымъ Москалямъ! Всѣхъ перебьемъ, какъ собакъ.

Другіе Поляки, *поражая Голицына.*

Вотъ тебѣ еще, Князь! Будешь врагомъ Поляковъ?

1-й Стрѣлецъ, *раненый.*

Злодѣи, безбожники! Будетъ вамъ за это.

Поляки, *бьютъ его.*

Перебьемъ всѣхъ васъ, Москалей!

Князь Голицынъ.

Господи! Спаси землю Русскую!

(Раздается набатъ).

2-й Стрѣлецъ.

Набатъ!... (*Умираетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Народъ вбѣгаетъ съ кольями и другимъ оружіемъ и нападаетъ на Поляковъ. Многіе падаютъ; остальные бѣгутъ; народъ за ними.

Ермилъ, *убѣгая вслѣдъ за народомъ.*

Князь Андрей Васильевичь! Красна твоя смерть предъ Господомъ

Князь Голицынъ.

Благодарю Господа. (*Умираетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Новая толпа вооруженнаго народа.

Семенъ.

Ахъ, Князь Андрей, смотрите-ка. Вотъ еще наши. Ляхи бездѣльники!

Елизаръ.

Братья! Пришло время стать за землю Русскую, за Вѣру православную, за побіенныхъ братій нашихъ, за стыдъ и плѣнъ земли нашей — противъ невѣрныхъ враговъ, а паче Русскихъ измѣнниковъ. Вонъ они, братья наши, лежатъ, сердечные, побитые. — Церкви наши разорены, и Вѣра православная, и вся земля Русская; за нихъ мы ляжемъ или спасемъ ихъ, братья — Богъ умилосердится надъ нами. Богъ благословитъ насъ. Ну, мѣшкать нечего. Съ Богомъ, народъ, за правое дѣло!

Народъ.

Съ Богомъ за правое дѣло! (*Бѣжитъ на битву*).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Лубянка. Укрѣпленіе. Князь Пожарской и Стрѣльцы на укрѣпленіи.

(*Набатъ гудитъ со всѣхъ сторонъ; слышны выстрѣлы и отдаленные крики*).

Пожарской.

Что, никого еще не видать?

1-й Стрѣлецъ.

Нѣтъ, не видно никого.

Пожарской.

Ну, братцы, смотрите, дружно поподчивать Ляховъ.

2-й Стрѣлецъ.

Не впервой, не впервой, Князь Дмитрій Михайловичь.

3-й Стрѣлецъ.

Да не знай еще, скоро ли они до насъ доберутся. Народъ, слышно, ихъ гонитъ.

Пожарской.

Слава те Господи, что я въ Москвѣ съ вами случился. Кстати оно. Вотъ своимъ подмогу добрую подадимъ и съ Ляхами перевѣдаемся.

1-й Стрѣлецъ.

Князь Дмитрій Михайловичь! Не ударить ли намъ самимъ на Ляховъ?

Пожарской.

Нѣтъ, погодимъ. — Можетъ намъ нужнѣе будетъ здѣсь остаться; неравно какъ нибудь Полякамъ повезетъ; а въ этой засѣкѣ мы сколько угодно отбиваться станемъ и много имъ вреда учинимъ.

2-й Стрѣлецъ.

Набатъ во всѣ колокола. Стойте, сердечные, за Божіе и Земское дѣло.

3-й Стрѣлецъ.

Кто-то бѣжитъ къ намъ сюда; это наши.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Нѣсколько крестьянъ вбѣгаютъ.

Пожарской.

Что́ вы, что́ съ вами? Взойдите сюда.

(*Тѣ всходятъ на укрѣпленіе*).

Антонъ.

Измѣнникъ Михайло Салтыковъ....

Стрѣльцы.

Что́ онъ, предатель?

Антонъ.

Зажегъ домъ свой!

Стрѣльцы.

Какъ!

Елизаръ.

Мы уже совсѣмъ гнали поганыхъ Ляховъ и нашихъ измѣнниковъ. Салтыковъ зажегъ домъ свой. Москва горитъ!...

Пожарской и Стрѣльцы.

Ахъ Господи, твоя воля!

Антонъ.

Намъ пришло и дома гасить, и драться вмѣстѣ....

Елизаръ.

Скликать женъ и дѣтей, что отъ пожара бѣжали; а къ Ляхамъ пришла еще свѣжая помощь. Ляхи тѣмъ временемъ и одолѣли, гонятъ насъ....

Пожарской.

Ахъ измѣнникъ, измѣнникъ! Вспокаешься ты когда нибудь. Гдѣжъ Поляки?

Антонъ.

За нами по пятамъ; будутъ сюда, какъ разъ.

Пожарской.

По мѣстамъ, братцы. Вотъ мы ихъ встрѣтимъ.

Стрѣльцы.

Вонъ, вонъ они бѣгутъ.

(*Поляки показываются. Залпъ. Поляки отступаютъ*).

1-й Стрѣлецъ.

Что, видно стрѣлецкая рѣчь имъ не по сердцу пришла.

Антонъ.

А Князя Андрея Васильевича знаете?

Пожарской.

Что за приставы; — какъ же.

Антонъ.

Князя Андрея Васильевича Поляки убили.

Пожарской.

Ахъ горе, горе! Пріятель дорогой, другъ любезный!

2-й Стрѣлецъ.

Слышите, братцы?

Елизаръ.

И двухъ нашихъ тутъ же, и двухъ стрѣльцовъ.

1-й Стрѣлецъ.

Отольются волку овечьи слезы.

3-й Стрѣлецъ.

Эге, вонъ сколько ихъ, пучковъ. Держитесь.

Пожарской.

Подпустите ихъ поближе.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Поляки показываются.

Пожарской.

Ну теперь разомъ.

(Залпъ. Поляки кидаются на приступъ. Пожарской обнажаетъ саблю и становится впереди. Приступъ. Поляки отбиты. Новое подкрѣпленіе).

Поляки.

Стойте, хлопцы, за пушками ступайте; а мы пока съ ними издали перевѣдаемся.

(Новый залпъ стрѣльцевъ. Поляки отвѣчаютъ. — Пожарской, раненый, падаетъ).

Одинъ изъ Стрѣльцовъ.

Ты, Князь, раненъ.

Пожарской, *подымается.*

Ничего, такъ маненько. Стойте, братцы.

(Новый залпъ Стрѣльцевъ).

Занавѣсъ опускается.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(1611 — Іюль).

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ домѣ Салтыкова.

Салтыковъ и Гонсѣвскій входитъ въ дверь.

Салтыковъ.

Ну что, панъ, какъ дѣла̀?

Гонсѣвскій.

Не хорошо, бояринъ; объ этомъ-то я и пришелъ поговорить съ тобою: мы тѣсно обложены и если не будетъ скорая помощь, придется очень намъ трудно.

Салтыковъ.

Худо. У бунтовщиковъ всякая сволочь, сборница; кажись бы нѐчего и бояться. — Иванъ Мартыновичь любезный грабитъ своихъ не меньше чужихъ. Трубецкой и дуракъ и плутъ; его казаки не очень-то стоятъ за ихъ дѣло. Кажись бы справиться съ ними не трудно.

Гонсѣвскій.

Ты забываешь Ляпунова.

Салтыковъ.

Помню; объ немъ-то я и хочу сказать; онъ-то одинъ и ведетъ все дѣло; и тѣ, что съ нимъ пришли, на него помахиваютъ. Распоряжаются втроемъ; тутъ бы должно быть ссорамъ и всякимъ непорядкамъ. Подумаешь: вѣдь Ляпуновъ Думный дворянинъ только; анъ нѣтъ, дѣло все идетъ. — Ляпуновъ ихъ всѣхъ къ своей волѣ приводитъ. — Силенъ и на битвѣ и въ совѣтѣ.

Гонсѣвскій.

Еслибъ, бояринъ, намъ отъ Ляпунова избавиться? Онъ вѣдь только намъ и страшенъ, а за то и страшенъ сильно, и ведетъ всѣхъ мощно. Въ битвѣ я мало видалъ такихъ: какъ передъ кораблемъ волны, такъ передъ нимъ всѣ и разступаются Голосъ зычный, по всему полю слышенъ; самъ впереди, стелетъ нашихъ, какъ траву, ну а за нимъ и всѣ Трудно. Неужъ-то онъ насъ одолѣетъ.

Салтыковъ.

Не тревожься, панъ, не ему одолѣть. Высокъ выросъ больно, видокъ сталъ. Ну, а этакъ-то труднѣе. Видишь какой! Ляпуновъ, да Ляпуновъ, то и дѣло слышно.

Гонсѣвскій.

Это правда; его не даромъ и царемъ называютъ.

Салтыковъ.

То-то; а это, ты думаешь, другимъ не обидно? По-

годи, ему не сдобровать. — Вотъ ужъ разъ пришлось ему плохо.

ГОНСѢВСКІЙ.

Да онъ опять поставилъ на своемъ. — Нѣтъ, бояринъ! Вѣдь Ляпунова заподозрить трудно; а пока онъ будетъ все такъ стоять за свое дѣло,—а стоять-то онъ будетъ, — отъ него не отстанутъ и тронуть его побоятся; за него стоятъ много.

САЛТЫКОВЪ.

Да, оно такъ. — Да нѣтъ, я знаю, что не сдобровать Ляпунову: я говорю тебѣ, онъ больно видокъ.

ГОНСѢВСКІЙ.

Тамъ ужъ я не знаю, какъ, бояринъ; по моему же на оборотъ. А вотъ что я пришелъ сказать тебѣ — Нельзя ли какъ нибудь распустить слухъ, что Ляпуновъ измѣнникъ, что онъ намъ передался; и такъ. что бы войско ихъ повѣрило.

САЛТЫКОВЪ.

Мудрененько. Хоть и многіе его не любятъ, да слуху-то не повѣрятъ.

ГОНСѢВСКІЙ.

Я придумалъ, бояринъ, вотъ какъ. У насъ есть плѣнные бояре; такъ что́ бы намъ съ однимъ изъ нихъ сперва сблизиться, такъ, въ пріязнь войти?—да потомъ мы и покажемъ ему, какъ бы за довѣренность, грамоту измѣнническую отъ Ляпунова ко мнѣ, за его подписью: подъ его руку подпишутся; и грамоту мы сочинимъ; да и возьмемъ съ боярина клятву, ни кому не сказывать, чтобъ онъ оттого еще крѣпче повѣрилъ.

Да я напишу отъ себя отвѣтную грамоту самому Ляпунову и дамъ боярину, чтобъ отнести Ляпунову; а потомъ и пустимъ боярина; онъ, какъ придетъ въ станъ, всѣмъ и разскажетъ навѣрное. — Ну, тутъ ему повѣрятъ, можетъ быть. Особливо, какъ мою-то грамоту онъ покажетъ.

Салтыковъ.

Хитро придумалъ, панъ. Нéчего сказать, и чорту такъ не придумать. Хитро!

Гонсѣвскій.

Я ужъ выбралъ одного боярина, который попростѣе, и началъ съ нимъ въ пріязнь входить. Теперь только сказать ему за тайну объ Ляпуновѣ, приготовить грамоту отъ Ляпунова, да показать ему; да написать грамоту отъ меня, да и дать ему; а тамъ и отпустимъ его.

Салтыковъ.

Хорошо, хорошо; знатно придумано.

Гонсѣвскій.

Такъ какъ же ты думаешь?

Салтыковъ.

Чего тутъ думать. Готовь скорѣе грамоты. Чѣмъ скорѣе отъ Ляпунова избавиться, тѣмъ лучше.

Гонсѣвскій.

Такъ прощай, бояринъ.

Салтыковъ.

Прощай, панъ. — Молодецъ!

(*Гонсѣвскій идетъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Мстиславскимъ, Шереметевымъ и Куракинымъ*).

Мстиславской, *въ дверяхъ.*

А намъ бы съ тобою поговорить надо.

Гонсѣвскій.

Нéкогда, бояринъ; прощай; прошу извинить.

Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Салтыковъ и бояре Мстиславскій, Шереметевъ и Куракинъ.

Салтыковъ.

Здравствуйте, бояре.

Бояре.

Кланяемся тебѣ, Михайло Глѣбовичь.

Салтыковъ.

Что вы, что-то не по себѣ?

Мстиславской.

Ахъ, Михайло Глѣбовичь! Да кто же будетъ по себѣ, послѣ такой вѣсти! Мы получили отъ Короля грамоту.... *(останавливается)* о.... о взятіи и разореніи имъ Смоленска. *(Утираетъ слезы).*

Шереметевъ, *утирая слезы.*

Эхъ, что и говорить. Кабы все дѣло въ томъ, чтобы голову отдать, такъ вотъ моя голова.

Куракинъ.

И моя.

Салтыковъ, *послѣ молчанія. Вполголоса.*

Приступомъ взятъ?

Мстиславской.

Приступомъ. Да не однимъ приступомъ: была измѣна.

Салтыковъ.

Кто?

Мстиславской.

Андрей Дедешинъ.

Салтыковъ.

А.—Осьмнадцать мѣсяцевъ сидѣли въ осадѣ. Молодцы. Что Шеинъ? убитъ?

Мстиславской.

Взятъ въ плѣнъ. Бились долго на улицахъ; потомъ собрались въ соборъ, гдѣ была пороховая казна, и взорвали себя на воздухъ.

Салтыковъ.

Молодцы! *(Молчаніе. Громко).* Ну, бояре, надо радоваться. Король наконецъ взялъ Смоленскъ; теперь дѣло пойдетъ скорѣе.

Шереметевъ.

Какая же это радость, когда братья наши побиты?

Салтыковъ.

Сами виноваты. — А что послы?

Мстиславской.

Король, ты знаешь, ими не доволенъ. Они теперь въ Польшѣ, какъ плѣнники; больше ничего не слыхать.

Салтыковъ.

Надо новыхъ пословъ.

Куракинъ.

Объ этомъ-то мы и пришли говорить съ тобою.

Мстиславской.

Поѣзжай ты, Михайло Глѣбовичь.

Шереметевъ.

Ты Королю угоденъ.

Салтыковъ.

Я не прочь, бояре, да надо погодить; хоть бы тѣсноты-то было намъ поменьше. — Хоть бы съ Ляпуновымъ-то намъ немножко справиться.

Мстиславской.

Мы тебя не гонимъ.

Салтыковъ.

Когожь вы думаете еще въ послы?

Шереметевъ.

Да князя Юрія Никитича Трубецкаго, да дьяка Янова.

Салтыковъ.

Дѣло. Мы потолкуемъ послѣ. Не взыщите, бояре; мнѣ надо со двора.

Мстиславской.

Ничего, Михайло Глѣбовичь. Намъ самимъ дѣло. Мы пойдемъ писать Королю отвѣтную грамоту. Тебѣ надо тоже придти къ намъ.

Салтыковъ.

Ну такъ выдемъ вмѣстѣ. Мнѣ только забѣжать кой-куда, и я сей часъ приду къ вамъ. Постойте; надѣну только ферязь, да возьму шапку.

(Уходитъ).

Мстиславской.

Такъ, однимъ, — трудно устоять; а кабы за Владислава всѣ мы за одно стали, были бы мы сильны.

Куракинъ.

Ляпуновъ думаетъ, что Русская земля сама собой спастись можетъ, своею силою, ни за кого не хватаясь, ни на кого не опираясь.

Шереметевъ.

Хорошо бы оно, да нельзя.

Мстиславской.

Пожалуй ему думать-то; а ужъ самимъ намъ, безъ подданства кому нибудь, трудно устоять.

Куракинъ.

Мудрено.

(Входитъ Салтыковъ, въ ферязи и съ шапкой).

Салтыковъ.

Пойдемте, бояре. *(Даетъ имъ дорогу; всѣ и онъ выходятъ).*

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ III.

Станъ Русскаго войска подъ Москвой.—Внутренность избы Ляпунова.

Окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ, Бояринъ Князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ, Юрій Потемкинъ, Селиверстъ Толстой; нѣсколько дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Измайловъ.

Долгонько.

Голицынъ.

И у Царя Бориса Өедоровича не ждали такъ по долгу.

Потемкинъ.

Ну чтожъ, коли Царь, думный дворянинъ Прокофій, и подольше ждать заставляетъ.

Голицынъ.

Царь?

Потемкинъ.

Да вѣдь такъ его называютъ.

Измайловъ.

Нѣтъ, погоди. Кого вся земля выберетъ, тотъ только Царь.

Толстой.

Ой ли? А Царь Василій Ивановичъ?

Измайловъ.

А гдѣ теперь Царь Василій Ивановичь? Отъ того-то все и пошли смуты, и ему отъ царства отказали.

Голицынъ.

Ляпунову и то плохо было недавно пришлось; а все за то, что подбилъ написать земскую грамоту.

Измайловъ.

Да вѣдь ктожъ противъ него? Вѣдь одни казаки, разбойники!

Голицынъ.

Ай, ай, зубы они на него грызутъ. Да чтожъ? Вѣдь и насъ въ войскѣ не мало. Какъ тогда уѣхалъ было Ляпуновъ по ихъ милости, такъ вѣдь какъ зашумѣло войско. Добрыхъ-то людей все больше; казаки хвостъ и прижали, да и въ погоню за нимъ: вернись Прокофій Петровичь; ну онъ и вернулся. А теперь опять на него злятся, поганые!

Измайловъ.

Воитель Ляпуновъ, нечего сказать, а не въ мѣру гордъ, и паче къ боярамъ, да ко знатнымъ родамъ.

Голицынъ.

Что и говорить — гордъ; да пока за дѣло онъ стоять будетъ, такъ мы какъ нибудь перетерпимъ.

Толстой, *усмѣхаясь.*

Чего другаго, а терпѣнья у Русскаго человѣка довольно.

Голицынъ.

Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ.

Измайловъ.

Терпѣнье терпѣнью розь, да и конецъ ему бываетъ. Свои обиды терпи, а обиду Вѣрѣ православной и землѣ Русской — терпѣть грѣхъ.

Голицынъ.

Кто и говоритъ.

Толстой.

Прокофій Петровичь!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Ляпуновъ. Всѣ кланяются.

Ляпуновъ.

Здравствуйте, бояре, окольничіе, дворяне и вся земля.

Всѣ.

Здравствуй, Прокофій Петровичь.

Ляпуновъ.

Что добрыхъ вѣстей?

Измайловъ.

Да пока нѣту ихъ.

Ляпуновъ.

А я скажу вамъ, что Поляки въ тѣснотѣ великой.

Голицынъ.

Да къ нимъ какъ разъ помощь на выручку придетъ; хоть и глупъ Король, а надумается.

Ляпуновъ.

Мы ихъ не допустимъ.

Измайловъ.

Какъ велишь, Прокофій Петровичь? Мы пришли спросить тебя, не велишь ли вскорѣ приступа?

Ляпуновъ.

Теперь пока не нужно; а будетъ нужно, такъ позову да скажу.

Многіе.

Не прикажешь ли еще чего?

Ляпуновъ.

Да нѣтъ, все по прежнему; только, Бога ради, не ссорьтесь съ казаками. Это разбойники; ихъ надо бы прочь совсѣмъ; ну а пока что́ съ ними грызться.

Многіе.

Чтожъ намъ идти, Прокофій Петровичь? Мы хотѣли спросить, не будетъ ли какого приказу, да поздороваться съ тобой.

Ляпуновъ.

Идите съ Богомъ. Спасибо вамъ за дружбу. — Ар-

темій Васильевичь, Князь Иванъ Андресвичь, останьтесь.

(Всѣ, кромѣ Измайлова и Голицына, уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Ляпуновъ, Измайловъ и Голицынъ.

Ляпуновъ.

Что́, Артемій Васильевичь, вѣдь медленно наше дѣло подвигается.

Измайловъ.

Медленно, Прокофій Петровичь.

Ляпуновъ.

Кажется я не жалѣю ни трудовъ, ни жизни.

Голицынъ.

То-то и есть, что ты все одинъ и дѣлаешь; и коли не одинъ, такъ больше всѣхъ и за всѣхъ.

Измайловъ.

Дѣло идетъ не дружно.

Ляпуновъ.

Чтожъ мнѣ дѣлать-то? Развѣ я виноватъ?

Измайловъ.

Тебя винить трудно. — Не любятъ тебя многіе; да и

то сказать, ты вѣдь и самъ, такъ и позоришь на право и на лѣво.

Голицынъ.

Да еще все знатные роды.

Ляпуновъ.

Знатные роды! Видишь; — ихъ не позорь! Нѣтъ, знатные-то роды и виноваты; они разжились, раздобрѣли, тяжелы стали. Еще имъ потакать и молчать? Да ни вовѣки вѣковъ. Не похожи они на бояръ бывалыхъ, какъ въ старыя времена. Бывало, бояринъ такъ бояринъ: не меньше всякаго работаетъ. Нѣтъ, растолстѣли, Бога забыли.

Измайловъ.

Ну вотъ, ты ужъ и пошелъ; эй уймись! Иль бояре не нужны?

Ляпуновъ.

Кто говоритъ; да надо, чтобъ бояре-то не такіе были; а они думаютъ, что вотъ, бояре, — борода до пояса, брюхо до колѣнъ, — такъ ужъ чего тутъ больше. Бояре-то наши поиспортились; носъ подняли; въ простомъ человѣкѣ брата не узнаютъ. — Теперь, что стало боярство? Коли бояринъ, такъ ужъ и почитай, что крамольникъ, или лѣнтяй, тунеядецъ.

Голицынъ.

Ты насъ обижаешь.

Ляпуновъ.

Коли ты не таковъ, такъ не къ тебѣ и слово. А мало ли такихъ?

Измайловъ.

Эхъ, Прокофій Петровичь! Не осуждай, да не осужденъ будеши. — Ну чего тутъ переругиваться, чего тутъ разбирать, кто худъ, кто хорошъ? Дѣло не въ томъ; дѣло у насъ великое на плечахъ. — Право слово, какъ объ немъ подумаешь, такъ другой-то мысли и мѣста нѣтъ.

Голицынъ.

Вотъ, Прокофій Петровичь, грамота отъ всей земли, что ты подписалъ....

Ляпуновъ.

Да и вы подписали.

Голицынъ.

И мы подписали,—да не въ томъ рѣчь. Грамота эта больно многимъ боярамъ не полюбилась.

Ляпуновъ.

Такъ и есть; это Ивану Мартыновичу, да Дмитрію Тимоѳеевичу не очень-то по сердцу. Что насъ смѣнить-то можетъ земля! — Да! имъ бы хотѣлось, какъ въ малолѣтство Царя Ивана Васильевича крамольничать, а стараго гласа народнаго, гласа Божьяго, не слышать.

Измайловъ.

Ну да что толковать. — Прокофій Петровичь! Каковъ ты тамъ ни есть, гордъ ли, нѣтъ ли, — а за дѣло земское и Божіе стоишь ты несумнѣнно и неколебимо, душою и умомъ; такъ я тебя люблю, и скажу тебѣ: казаки противъ тебя недоброе затѣваютъ.

Ляпуновъ.

Ой ли?

Измайловъ.

Да такъ.

Ляпуновъ.

Хорошо это христолюбимое воинство! Сущіе разбойники. Право, не знаешь, съ кѣмъ бы драться надо: съ Ляхами и измѣнниками, или съ ними.

Измайловъ.

Да, оно правда. Только смотри, Прокофій Петровичь, остерегись; не серди казаковъ и бояръ.

Ляпуновъ.

Не стерпѣть мнѣ, не вынести богопротивныхъ ихъ дѣлъ; не замолчитъ языкъ мой, не перестану я обличать разбойниковъ, грабителей.

Голицынъ.

Не долго будешь ты ихъ обличать.

Ляпуновъ.

Долго ли, коротко ли — это въ руцѣ Божіей.

Измайловъ.

Да и кто тебя поставилъ судьею? Пусть ихъ судитъ Богъ каждаго по грѣхамъ. Ты знай дѣлай свое дѣло.

Голицынъ.

Знай дерись себѣ за Вѣру и землю, и будетъ съ тебя.

Ляпуновъ.

Нѣтъ, мало этого; надо брань творить и неправдѣ.

Голицынъ.

Вѣдь это въ тебѣ сердце говоритъ, Прокофій Петровичь; сердце кипитъ; гнѣвъ, гордыня.

Измайловъ.

Вѣдь это любовь твоя, охота, — неправду гнать.

Ляпуновъ.

Ну что вамъ до меня? — Ну да, сердце кипитъ. Правый гнѣвъ у меня въ душѣ. Пусть слышатъ слова̀ обличенія, покуда я живъ.

Измайловъ.

Съ тобой не сговоришь. — Ну такъ подумай о себѣ; остерегайся казаковъ. — Мы точно знаемъ, что у нихъ воровскіе заводы.

Ляпуновъ.

Спасибо вамъ за добрые совѣты; пойдемте, осмотримъ войско.

Голицынъ, *вздыхая.*

Пойдемъ.

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Площадка внутри стана. Казаки и воины ходятъ взадъ и впередъ.

Одинъ казакъ, *подзывая другаго.*

Поди-ка сюда.

2-й.

А что?

1-й

Слышалъ ты?

3-й, *подходя; другіе тоже подходятъ.*

Что такое?

1-й.

Что Ляпуновъ велѣлъ избить всѣхъ казаковъ по городамъ?

2-й.

Какъ! ужъ и до того дошло? Нѣтъ, прежде онъ самъ сломитъ шею.

3-й.

Вотъ строптивый человѣкъ; вѣдь и радъ бы терпѣть, да нельзя.

4-й.

Съ нимъ одна рѣчь. (*Показываетъ на саблю*).

3-й.

Правда ли? Не слухъ ли?

МНОГІЕ.

Все равно.

1-й.

Симонъ Заварзинъ везетъ грамоту за его подписью; скоро сами увидите.

4-й.

Ну, Прокофій! Ушелъ ты разъ; теперь не уйдешь.

1-й.

Ну, а пока грамота не привезена, вы молчите; судить его вѣдь еще нельзя будетъ теперь; а если онъ узнаетъ, такъ неравно улизнетъ.

КАЗАКИ.

Понимаемъ.

(*Расходятся*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ржевской и Потемкинъ, *входятъ вмѣстѣ*.

ПОТЕМКИНЪ.

Не только тебѣ, и всѣмъ онъ насолилъ; всѣхъ ни въ полушку не ставитъ; онъ одинъ только и чистъ.

РЖЕВСКОЙ.

Эхъ, не въ томъ сила. Чѣмъ Ляпуновъ васъ обидѣлъ, я не знаю. Меня онъ обидѣлъ и дѣло со мной за-

велъ неправое; онъ мой недругъ, и меня не жалуетъ. А васъ, я не знаю, чѣмъ онъ обидѣлъ; ваша рѣчь другая.

Потемкинъ.

Да онъ раздоры подымаетъ.

Ржевской.

Да какіе раздоры? Что казакамъ-то грабить не даетъ? Да это онъ дѣлаетъ хорошо.

Потемкинъ.

Ты же хвалишь; а онъ тебя обидѣлъ.

Ржевской.

Это другое дѣло; онъ ненавистникъ мой, и я буду съ нимъ тягаться цѣлый вѣкъ.

Потемкинъ.

Такъ стало ты его недругъ?

Ржевской.

И конечно недругъ.

Потемкинъ.

Ну то-то же.

Ржевской.

Вонъ бояре идутъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Трубецкой, Заруцкій и Толстой.

Трубецкой.

Не выходилъ еще Ляпуновъ?

Потемкинъ.

Мы ждали у него и незнай какъ долго! вышелъ къ намъ и отпустилъ насъ; теперь не знаю, гдѣ онъ. — Ну, Иванъ Мартыновичь, досталось тебѣ на орѣхи.

Заруцкій.

Опять?

Потемкинъ.

И какъ еще. Да чтожь, вѣдь тебѣ не впервой.

Толстой.

Да и не въ послѣдній.

Заруцкій.

Нѣтъ, чай скоро въ послѣдній.

Потемкинъ, *смѣется.*

Ой ли? Стало пронялъ онъ тебя.

Заруцкій.

Ахъ ты, языкъ змѣиный! Молчи! И такъ досадно.

Толстой.

Мы слышали, что грамоту Ляпунова скоро привезутъ.

Трубецкой.

Грамота ужъ здѣсь. Заварзинъ привезъ её.

Потемкинъ.

Насилу.

Заруцкій.

Да вонъ и самъ Прокофій Петровичь съ Измайловымъ и Голицынымъ идутъ сюда.

(Ржевской уходитъ).

Трубецкой.

Куда это ушелъ Ржевской?

Потемкинъ.

Онъ недругъ Ляпунова.

Трубецкой.

Да, да.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Ляпуновъ, Измайловъ и Голицынъ.

(Всѣ кланяются другъ другу).

Ляпуновъ.

Ну что, бояре, все у васъ въ благомъ порядкѣ?

Трубецкой.

Да все въ порядкѣ, Прокофій Петровичь.

Ляпуновъ.

Какъ думаешь, пріѣхали наши посланные въ Новгородъ?

Заруцкій.

Да гдѣ еще пріѣхать.

Измайловъ.

Да чтожъ, неужъ-то мы примемъ Свійскаго Королевича?

Голицынъ.

Не за тѣмъ мы въ соединеньи.

Ляпуновъ.

И конечно нѣтъ.

Толстой.

Да и чего намъ бояться при такомъ христолюбивомъ воинствѣ? Всѣ до единаго стоятъ за правое дѣло.

Потемкинъ.

Всѣ головы за него положить готовы.

Ляпуновъ.

Твоими бы устами, да и медъ пить.

Трубецкой.

Да развѣ же не такъ?

Ляпуновъ.

Не такъ, бояринъ. — Кто стоитъ за правое дѣло и бьется съ Ляхами и Русскими ворами, а кто, хоть вотъ Иванъ Мартыновичь, посылаетъ казаковъ грабить Божьи

церкви да крамольничать. — Да и твои казаки, князь Дмитрій Тимоѳеевичь, тоже грабятъ, а ты имъ потакаешь.

Трубецкой.

Нельзя же всѣхъ унять.

Заруцкій.

Ужъ и поживиться за всякіе труды и невзгоды нельзя.

Ляпуновъ.

Хороша пожива съ Божіихъ церквей, да съ бѣдныхъ крестьянъ. — Христіанское дѣло — нéчего сказать! — Хороши вы вожди.

Трубецкой.

Ты позоришь бояръ, Прокофій Петровичь.

Ляпуновъ.

А отъ чегожъ бы ихъ не позорить, коли того стоятъ? Развѣ не бояре все измѣнники? Развѣ не Салтыковъ, не Куракинъ, не Мстиславской, не Шереметевъ, не Лыковъ предаютъ Вѣру и землю? Это настоящіе знатные роды; а вонъ какъ они шатаются, да предательствуютъ. — Такъ ихъ не корить! Нѣтъ, стоятъ укора и поношенія въ роды и роды. — Да вы-то что такъ за бояръ стоите? Вы-то что за бояре?

Заруцкій.

Какъ что за бояре? Мы бояре.

Ляпуновъ.

Да какіе вы бояре? Вы Калужскіе бояре! *(Смѣхъ въ толпѣ).* По милости Тушинскаго вора.

Трубецкой.

Кому и ты служилъ.

Ляпуновъ.

Да кого бросилъ тотчасъ, какъ узналъ обманъ. Не вынесъ я оттуда ни почести, ни жалованья. А вы не такъ. — Жестки вамъ слова мои. — Сами знаете, что дѣла́ тоже говорятъ. — Чтожъ, думаете, что такъ спасется Вѣра православная и земля Русская? Да хотите ли вы и спасенья-то ей? Не рады ли вы, что она, бѣдная, безъ защиты, кормитъ васъ своею кровью, какъ разбойниковъ? что есть гдѣ вамъ грабить и злодѣйствовать? — Виноваты много бояре. Много возгордились они. На черныхъ людей съ высока смотрятъ; ихъ только хрестьянами называютъ; видимое дѣло, что сами ужъ стали не хрестьяне. — Горько это; забыли стало, что всѣ мы братья и всѣ христіане; всѣ мы одной матери дѣти; всѣ мы братья и сродники по Христовой Вѣрѣ и по Русской землѣ. — Пусть одинъ бояринъ — при немъ его боярство; пусть другой воинъ—при немъ его воинство; пусть еще третій земледѣлъ — при немъ его земледѣліе. — Да вѣдь сегодня онъ земледѣлъ, а завтра бояринъ; а бояринъ завтра земледѣлъ. Это все какъ случится, и какъ приведется, и какой талантъ, и что Богъ дастъ; а непремѣнное и вѣчное то, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, всѣ братья, православные христіане и Русскіе люди. А это-то мы и позабыли; не какъ братья стоимъ другъ за друга; возвысились, одни передъ другими, гордостію. Богъ насъ и караетъ. Презрѣлъ Василій Ивановичь Земской Совѣтъ, Богъ и покаралъ его. Презрѣли и вы, бояре, братство и землю; эй не

забывайте земли Русской и народа. Больше правды въ простомъ народѣ. — Когда во вторникъ на страстной недѣлѣ сдѣлалась схватка съ Поляками, кто стоялъ за Божіе и Земское дѣло? Все народъ. Сталъ тутъ и Князь Дмитрій Михайловичь Пожарской; вотъ это человѣкъ смиренный духомъ, и твердо стоитъ обще съ народомъ за Вѣру и землю. Такъ народа-то, вы, бояре, не презирайте и надъ народомъ не высьтесь; вѣдь этимъ вы и сами себя осуждаете и отъ братства себя отрываете. Не разрывайте земскаго союза, не забывайте народа, — тогда и вамъ будетъ хорошо, и вы родной землѣ нашей полезны будете, — а безъ того нѣтъ. — Вѣдь всѣ мы, отъ мала до велика, всѣ христіане православные и Русскіе люди, всѣ братья.

(*Общее впечатлѣніе и движеніе въ толпѣ*).

Измайловъ.

Правда.

Голицынъ.

Истинно такъ.

Многіе.

Правда, Прокофій Петровичь. Спасибо тебѣ. — Кто не послушаетъ тебя.

(*Ляпуновъ хочетъ идти*).

Трубецкой.

Куда ты, Прокофій Петровичь?

Ляпуновъ.

Да пойду обойдти весь станъ.

(*Уходитъ; почти всѣ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Трубецкой, Заруцкій, Толстой и Потемкинъ.

Трубецкой.

Ну, — нечего и думать.

Потемкинъ.

Красно говоритъ.

Толстой.

Трудно съ нимъ тягаться.

Заруцкій.

Трудно, да нельзя же такъ оставить; онъ насъ совсѣмъ заполонитъ. — Вотъ пустимъ въ ходъ грамоту, что привезъ Заварзинъ.

Толстой.

Оно конечно такъ, да много проку еще отъ этой грамоты ждать нельзя. — Ну, казаки противъ него и подымутся, а все остальное войско за него.

Заруцкій.

Да вотъ одно: развѣ распустить бы слухъ, что Ляпуновъ измѣнникъ.

Трубецкой.

Да ктожъ этому повѣритъ?

Потемкинъ.

Да все лучше хоть понемногу распускать, что онъ измѣнникъ.

Толстой.

Пожалуй, станемъ распускать, что Ляпуновъ измѣнникъ.

Потемкинъ.

Кто идетъ къ намъ такъ спѣшно; — отъ Москвы; какъ будто знакомый какой-то бояринъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и Бояринъ.

Бояринъ.

Дмитрій Тимоѳеевичь, Иванъ Мартыновичь, вы здѣсь?

Трубецкой и Заруцкій.

Да гдѣ же еще?

Бояринъ.

Я къ вамъ съ вѣстью; не знать бы мнѣ лучше этого позора.

Всѣ.

Что такое?

Бояринъ.

Ляпуновъ — измѣнникъ.

Трубецкой.

Что ты, съ ума сошелъ.

Толстой.

Что ты врешь? Съ ума ты спятилъ. — Этого быть не можетъ.

Бояринъ.

Охъ, и я бы хотѣлъ, чтобъ я лучше вралъ. — Я видѣлъ у Госѣвскаго письмо за его подписью; а вотъ отвѣтное письмо Госѣвскаго къ Ляпунову, которое онъ мнѣ далъ ему отнести.

(*Всѣ въ изумленіи*).

Потемкинъ.

Да какъ же онъ это тебѣ повѣрилъ? Развѣ ты взялъ Польскую сторону?

Бояринъ.

Ну, нѣтъ, я не бралъ Польской стороны; онъ такъ, подружился.

Потемкинъ.

А!

Трубецкой.

Неужъ-то же Ляпуновъ теперь здѣсъ лицемѣрилъ.

Заруцкій.

Дай-ка сюда письмо.

(*Бояринъ подаетъ; всѣ смотрятъ письмо*).

Потемкинъ, *прочитавъ письмо про себя.*

Ты усталъ, бояринъ; поди вотъ хоть въ эту палатку, отдохни; мы позовемъ тебя, какъ будетъ нужно.

(*Бояринъ уходитъ въ палатку*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже, безъ Боярина.

Заруцкій.

Ну что?

Потемкинъ, *тихо, улыбаясь.*

Подвохъ.

Заруцкій, Трубецкой и Толстой.

Подвохъ!

Потемкинъ.

Ну да какъ же, чему же другому и быть. — Оно ясно. Вѣдь Госѣвскій зналъ, что бояринъ пойдетъ въ станъ; онъ его и выбралъ. — А подъ руку его, коли у насъ подписались, такъ и тамъ подпишутся.

Заруцкій.

Ай да Гонсѣвскій—молодецъ! И себя и насъ отъ врага свобождаетъ.

Толстой.

Подвохъ, что подвохъ, — это такъ; да не въ томъ сила; а дѣло въ томъ, что съ Ляпуновымъ справиться теперь можно.

Потемкинъ.

Мѣшкать нéчего; а то кто-нибудь, пожалуй, еще изъ Москвы прибѣжитъ, и дѣло на свѣжую воду выведетъ.

Трубецкой.

Что и говорить.

Потемкинъ.

Пойдемте же на сборное мѣсто.

Заруцкій.

А я кой-кому разсказалъ про грамоту, что Заварзину мы дали; да и показалъ её кой-кому.

Потемкинъ.

И это не мѣшаетъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Сцена нѣсколько времени пуста.

Толпа казаковъ.

1-й.

Ну что, не правду ли я вамъ говорилъ? Видите теперь; Ляпуновъ послалъ грамоту, чтобы избить всѣхъ казаковъ по городамъ.

Казаки.

Вотъ мы его на судъ.

2-й.

Ляпуновъ—измѣнникъ; онъ съ Гонсѣвскимъ согласился предать ему все войско. — Сей часъ пріѣхалъ бояринъ изъ Моквы и привезъ отъ Гонсѣвскаго письмо

къ Ляпунову; да письмо-то это отдалъ не ему, а Дмитрію Тимоѳеевичу и Ивану Мартыновичу.

Казаки.

А! такъ онъ предатель! Горе измѣннику! Судить его!

Другіе.

Товарищи, идемъ на сборное мѣсто.

(*Уходятъ съ шумомъ*).

Одинъ *изъ толпы, другому, отставши.*

А знаютъ ли другіе изъ нашихъ?

Другой.

Знаютъ; всѣ такъ и валятъ на сборное мѣсто.

(*Уходятъ вслѣдъ за другими*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

(*Выходятъ ратники изъ войска Ляпунова*).

1-й.

Ну что нашъ Прокофій Петровичь? Каковъ!

2-й.

Какъ говоритъ-то — въ стыдъ привелъ всѣхъ; замолчали передъ правыми словами. Дороги слова его.

3-й.

Всѣмъ взялъ: и ростомъ, и видомъ, и голосомъ, и рѣчами.

4-й.

Бьется ли, говоритъ ли, на коня ли сядетъ, такъ ли пройдетъ, — ну красота да и только.

3-й.

На коня садится, конь подъ нимъ веселится. По улицѣ ѣдетъ, вся улица смотритъ.

2-й.

Есть и у такого человѣка враги и завистники.

1-й.

Вѣдь вотъ, кажись, онъ всѣхъ усовѣстилъ.

3-й.

Усовѣстишь Ивана Мартыновича.

4-й.

Да и Дмитрій Тимоѳеевичь себѣ на умѣ.

3-й, *помолчавъ.*

Ну что, братцы, когда же приступъ?

4-й.

Да не слыхать.

1-й.

Ждутъ какихъ-то пословъ.

2-й.

Да что въ нихъ проку-то; ужъ много пословъ всякихъ было, да кромѣ зла ничего отъ нихъ.

(Слышенъ отдаленный шумъ).

1-й.

Что это тамъ шумятъ? — Казаки никакъ; пойдемъ туда

2-й.

Пойдемте.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Ляпуновъ выходитъ съ противуположной стороны. Вскорѣ за нимъ Измайловъ и Голицынъ.

Ляпуновъ, *одинъ.*

Дѣло все идетъ, да идетъ по немногу; опять будетъ приступъ, опять сраженіе, — и, Богъ дастъ, и одолѣемъ. Много нечистыхъ людей въ нашемъ станѣ. Угодно ли Господу и ихъ сдѣлать сосудомъ спасенія, или гнѣвенъ Онъ, что нечистыя руки стоятъ за чистое дѣло? Ахъ, святая Русь, сколько горя ты терпишь. Трудное время послалъ Господь тебѣ. Такъ ли, этакъ ли, скоро ли, долго ли, — а я твердо уповаю, что все избавитъ Господь Вѣру и землю свою отъ разоренія, измѣны и ига иноземнаго, спасетъ Русскую землю отъ всякаго зла.

Измайловъ.

Ну, Прокофій Петровичь, все мы съ тобой осмотрѣли, и, кажется, все хорошо.

Ляпуновъ.

Да; кажется, такъ. Пора, пора опять схватиться съ Ляхами и Русскими ворами.
(*Страшный шумъ; слышны клики:* Ляпунова! Ляпунова!).

Голицынъ.

Что это такое?

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣже, и нѣсколько казаковъ, и потомъ Ржевскій съ противуположной стороны.

Казакъ.

Прокофій Петровичь! Казаки и прочее воинство зовутъ тебя на судъ.

Ляпуновъ.

На судъ? — Хорошъ судъ разбойничій! Что? Опять новые ваши воровскіе заводы.

Казакъ.

Прокофій Петровичь! Какъ можешь ты не слушаться земской воли? Иди на судъ.

Ляпуновъ.

Не пойду я на вашъ судъ. — Нѣтъ тутъ земской

воли. — Знаю я воровской вашъ умыселъ.— Подъ сабли да подъ ножи вы меня поставить хотите. — Мнѣ довольно враговъ и безъ васъ, съ которыми биться, съ Поляками да измѣнниками.—Не пойду я на вашъ судъ, какъ овца слабая.

Ржевской.

И не ходи, Прокофій Петровичь! Такъ они тебя не больно сунутся тронуть; а судъ ихъ разбойничій всѣмъ вѣдомъ. — Побереги себя для земскаго дѣла.

Ляпуновъ.

Спасибо тебѣ, Ржевской, за нелестный совѣтъ.

(Казакъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣже, безъ Казака.

Голицынъ.

Опять умыселъ проклятый.

Ляпуновъ.

Не дуракъ я имъ достался.

Измайловъ.

Орутъ, какъ бѣшеные.

Ржевской.

Вонъ еще кто-то идетъ.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣже, Потемкинъ и Толстой.

Ляпуновъ.

А, — и вы съ ворами.

Толстой.

Нѣтъ, тутъ не воры, тутъ войско.

Потемкинъ.

Прокофій Петровичь! Тебя зоветъ войско на судъ.

Ляпуновъ.

Нейду.

Потемкинъ.

Какъ, Прокофій Петровичь, ты нейдешь, когда зоветъ тебя все войско? Ты идешь противъ земской воли; а ты кажется всегда за неё стоялъ.

Ляпуновъ.

Я земскую волю чту; да какая тутъ земская воля? Тутъ просто разбойничій заговоръ, измѣна, умыселъ.

Толстой.

Нѣтъ, Прокофій Петровичь, противъ тебя нѣтъ никакого умысла.

Ляпуновъ.

Знаю я, чего имъ хочется; давно они этого добиваются. Да я не дуракъ, чтобъ какъ теленокъ подставилъ имъ шею.

Потемкинъ.

Прокофій Петровичь! — Не провинись передъ земской волей. А что противъ тебя нѣтъ умысла,—въ томъ мы тебѣ поруки; мы не казаки; вѣришь ли намъ? Или и послѣ этого все будешь ослушенъ?

Толстой.

Мы тебѣ поруки.

Ляпуновъ, *задумываясь.*

Вы поруки въ томъ, что тутъ умысла нѣтъ и что мнѣ никакого зла не сдѣлаютъ.

Потемкинъ.

Мы поруки, что умысла нѣтъ и что зла никакого тебѣ не будетъ.

Ляпуновъ.

Хорошо. Иду.

Измайловъ и Голицынъ.

Мы съ тобою.

Ржевской.

Эхъ, лучше бы не слушать ихъ, не ходить; пойду и я.

Потемкинъ, *возвращаясь.*

Ну, Ржевской, твоему недругу, Ляпунову, приходитъ плохо. Радъ?

Ржевской.

Ахъ ты мошенникъ, разбойникъ! Вотъ оно что! У меня съ вами не одно. — Я знаю правду Ляпунова; пойду, стану за него.

(Потемкинъ поспѣшно уходитъ. Ржевской за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Сцена пуста. Молчаніе.

Раздаются крики, и потомъ молчаніе. Новые крики.

Голосъ Ляпунова.

Это ложь, клевета, я вамъ....

Новые крики: Измѣнникъ!

Голосъ Ляпунова.

Это подлогъ, обманъ, вы знаете....

Страшные клики; звукъ сабель.

Нѣсколько казаковъ пробѣгаютъ черезъ сцену назадъ съ саблями. Потемкинъ идетъ черезъ сцену; на встрѣчу ему Просовецкій.

Просовецкій.

Ну что?

Потемкинъ.

Убитъ Ляпуновъ.

Просовецкій.

Нѣтъ!

Потемкинъ.

Да. —Когда Бояринъ объявилъ, что онъ видѣлъ грамоту Ляпунова къ Госѣвскому за его подписью и какъ прочли грамоту Госѣвскаго: — такъ всѣ, что за Ляпунова, такъ и обомлѣли. Ляпуновъ сталъ бы-

ло говорить; ему не дали; а Измайлова, Голицына, Волынскаго, Плещеева подальше оттерли; тѣмъ временемъ его казаки и изрубили. Ржевской одинъ сталъ за него.

Просовецкій.

Ржевской, недругъ Ляпунова?

Потемкинъ.

Да.

Просовецкій.

Чтоже Ржевской?

Потемкинъ.

Ржевской убитъ.

Просовецкій.

Ржевской убитъ!

Потемкинъ.

Вмѣстѣ съ Ляпуновымъ.

Просовецкій, *вздыхаетъ.*

Э, какой шумъ; никакъ грабежъ начался.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ XX.

Измайловъ, Голицынъ, Волынской.

Измайловъ.

Горе, горе!

Волынской.

Злодѣи,—разбойники! Защитника, стоятеля за Вѣру и землю.

Голицынъ.

Безутѣшное горе! Ахъ воевода нашъ, Прокофій Петровичь! До чего это мы дожили.

Измайловъ.

Палъ великій воитель за Вѣру православную и землю Русскую, — да все же онъ не вся Русская земля.

Голицынъ.

Опять поруха земскому дѣлу.

Измайловъ.

Не унывай; не теряй надежды на Бога.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

1611 — Сентябрь. 1612 — Февраль.

ЯВЛЕНІЕ I.

Деревня на дорогѣ между Пермью и Казанью; улица. Передъ избою, на завалинѣ, сидятъ на солнцѣ два старика.

Антонычь.

Солнышко все грѣетъ да грѣетъ себѣ по старому, и тучки на небѣ ходятъ по прежнему, — а у насъ стало не по прежнему, небывалое завелось; пришли ото всѣхъ сторонъ на нашу землю недруги, рвутъ ее нарозно.

Елисеичь, *вздыхаетъ*.

Кійждо казнится отъ дѣлъ своихъ.

Антонычь.

Посѣтилъ насъ Господь смутою за грѣхи наши. — Кабы знали да вѣдали, за кого стоять, на кого идти, такъ оно бы легче; а то шатаемся, какъ слѣпые.

Елисеичъ.

Просвѣти, Господи, разумъ нашъ; научи насъ творити волю Твою.

Антонычъ.

Смилуется Господь, и просвѣтитъ, и научитъ. И теперь уже милосердіе свое намъ показуетъ; ужъ и теперь чистымъ сердцемъ стали за чистое и правое дѣло подъ Москвою, противу всѣхъ враговъ Вѣры православной и Русской земли. Есть тамъ воевода, Прокофій Петровичь Ляпуновъ, и иные многіе люди съ нимъ, за Вѣру и землю крѣпкіе стоятели.

Елисеичъ.

Господи спаси и помилуй!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и нѣсколько крестьянъ.

Антонычъ.

Ну что, не слыхать ли чего? Не проѣзжалъ ли гонецъ?

Иванъ.

Да нѣтъ еще; а надо бы. Что-то вѣстей?

Антонычъ.

Что же вы, дѣтушки, думаете? Не самимъ ли вамъ идти?

Андрей.

Да, — а какъ васъ стариковъ оставишь?

Семенъ.

Да опять же и вспахать надо хоть полоску.

Иванъ.

Изъ нашего села пошли многіе. — Мы не прочь. А пока можно, такъ и здѣсь нужно остаться. — И дѣло-то земское слышно идетъ получше.

Андрей, *садясь подлѣ Антоныча.*

Матушка наша, Мо́сква, выжжена теперь стоитъ.

Семенъ.

Подымется, Богъ дастъ, лишь бы подняться-то ей не мѣшали.

Иванъ.

Ее бы отнять, а тамъ ужъ съ пола-горя.

Елисеичь, *подымая голову.*

Славенъ будетъ градъ сей, и взыдутъ руки его на плещи враговъ.

Антонычь.

Аминь.

Иванъ.

Воистину такъ.

Семенъ.

Да, все къ Москвѣ идетъ и вся земля къ ней тянетъ.

Антонычъ.

Такъ, дѣтушки; другому такому городу не быть.

Иванъ.

Да, дѣдушка! Вѣдь Москва намъ своя.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и мальчишки, и потомъ гонецъ.

Мальчишки, *вбѣгаютъ съ крикомъ.*

Гонецъ, гонецъ!

Гонецъ, *на лошади.*

Православные! Коня!

Въ народѣ.

Мигомъ будетъ.

Иванъ, *молодому малому.*

Гнѣдаго моего скорѣй!

Антонычъ.

Откудова?

Гонецъ.

Изъ Казани.

Антонычъ.

Куда?

Гонецъ.

Въ Пермь.

Иванъ.

Сь грамотой?

Гонецъ.

Съ грамотой.

Семенъ.

Дай грамоту намъ прочесть.

Гонецъ.

Не задержать бы вамъ меня.

Иванъ.

Не задержимъ. — Пока коня сѣдлаютъ.

Антонычь.

Надо грамоту во всемъ міру честь.

Семенъ.

Вѣстимо. *(Ребятишкамъ)*. Бѣгите, зовите всѣхъ.

Мальчишки, *разбѣгаются въ разныя стороны.*

Гонецъ, гонецъ! Грамота, грамота!

Антонычь.

Что Казань?

Гонецъ.

Казань, далъ Богъ, здорово. (*Сходитъ съ лошади; её уводятъ*).

Семенъ.

Какъ тебя зовутъ?

Гонецъ.

Степаномъ.

(Народъ толпами валитъ со всѣхъ сторонъ).

Иванъ.

Вотъ всѣ идутъ.

Антонычь.

Собирайтесь всѣ, и жены, и дѣти.

Семенъ.

Ну, читайте же грамоту.

Андрей.

Иванъ, ты грамоту читай.

Иванъ.

Гдѣ бы стать повыше?

Ермилъ.

Да вотъ на телѣгу.

(Иванъ становится на телѣгу. Всѣ собираются около).

Андрей.

Стой вы! Стариковъ совсѣмъ затерли.

Семенъ.

Давай мѣсто старикамъ!

(Старики становятся ближе. — Молчаніе).

Иванъ, *читаетъ грамоту.*

»Господамъ Ивану Ивановичу да подъячему пятому Филатову, и Пермьскія земли старостамъ и цѣловальникамъ, и посадскимъ, и уѣзднымъ, и лутчимъ, и середнимъ, и молодчимъ, и всякимъ жилецкимъ людемъ: Никоноръ Шулгинъ, Степанъ Дичковъ, и головы, и дворяне, и дѣти боярскіе, и сотники Стрѣлецкіе, и стрѣльцы, и пушкари, и затинщики, и служилые, и жилецкіе всякіе люди Казанскаго государства, и князи, и мурзы, и служилые новокрещены, и Татаровя, и Чуваша, и Черемиса, и Вотяки, челомъ бьютъ. — Въ нынѣшнемъ, господа, во 119 году, Іюля въ 23 день, писали вы къ намъ, чтобы намъ съ вами быти въ любви и въ совѣтѣ и въ соединеньѣ, и стояти бы вамъ, за истинную крестьянскую вѣру, на разорителей вѣры крестьянскія и на богооступниковъ, съ нами единомышленно; и какія у насъ вѣсти будутъ про Московское государство, и изъ иныхъ городовъ, и намъ бы о томъ къ вамъ писати. — И мы господа, съ вами быти въ любви и въ совѣтѣ и въ соединеньѣ ради, и за истинную христіянскую Вѣру на разорителей нашія христіянскія вѣры, на Польскихъ и на Литовскихъ людей и на Русскихъ воровъ, съ вами стояти готовы. А подъ Москвою, господа, промышленника и поборателя по Христовѣ вѣрѣ, который стоялъ за православную вѣру и за домъ Пречистыя Богородицы и за Московское государство, противъ Польскихъ и Литовскихъ и Русскихъ людей воровъ,—Прокофья Петровича Ляпунова, казаки убили, преступя крестное цѣлованье.

(*Общее движеніе и волненіе въ толпѣ*).

Иванъ, *продолжаетъ.*

»А въ записи написано, по которой подъ Москвою

крестъ цѣловали и какову изъ подъ Москвы къ намъ прислали, что было никому другъ друга не побивати и лиха никому никакого не мыслити.

Въ народѣ.

Ахъ Господи! Какое горе! Прокофья Петровича! Господи, помилуй насъ!

Иванъ, *продолжаетъ.*

»И Митрополитъ, и мы, и всякіе люди Казанскаго государства, и Князи, и мурзы, и Татаровя, и Чуваша, и Черемиса, и Вотяки, сослалися съ Нижнимъ-Новымъ Городомъ, и со всѣми городы Поволжскими, и горными и луговыми, и съ горными и съ луговыми Татары, и съ луговою Черемисою, на томъ: что намъ быти всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньѣ, и за Московское и за Казанское государство стояти, и другъ друга не побивати и не грабити, и дурна ни надъ кѣмъ не учинити, а кто до вины дойдетъ, и ему указъ учинити съ приговору, смотря по винѣ; и воеводъ, и діяковъ, и головъ, и всякихъ приказныхъ людей въ городы не пущати и прежнихъ не перемѣняти, быти всѣмъ по прежнему; и казаковъ въ городъ не пущатижъ, и стояти на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, кого намъ дастъ Богъ на Московское государство Государя; а выбрати бы намъ на Московское государство Государя всею землею Россійскія державы; а будетъ, казаки учнутъ выбирати на Московское государство Государя, по своему изволенью, одни, не сослався со всею землею, и намъ того Государя на государство не хотѣти. — А что, господа, ваша мысль, и что у васъ какихъ вѣстей будетъ, изъ Новагорода Великаго, и съ Вологды, и съ Устюга, или изъ иныхъ изъ которыхъ городовъ, и вамъ бы

насъ безъ вѣсти не держати, писати бъ вамъ къ намъ про тѣ вѣсти по часту; а что у насъ про Московское Государство какихъ вѣстей будетъ, и мы о томъ учнемъ къ вамъ писати потомужъ. А съ сею отпискою послали мы къ вамъ Анатожскаго крестьянина Степанка Ондрѣева, и вамъ бы противъ нашія отписки отписати къ намъ съ нимъ же, съ Степанкомъ.«

Гонецъ.

Готовъ конь?

Андрей.

Вотъ онъ. Садись съ Богомъ.

Гонецъ, *садится.*

Прощайте, братцы.

Народъ.

Прощай. Богъ съ тобою.

(Гонецъ скачетъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Старики садятся на завалинѣ; народъ толпится около нихъ.

Антонычь.

Вотъ горе послалъ Господь. Погибъ отъ измѣны Прокофій Петровичь.

Елисеичъ.

Не оставитъ Господь свою землю и Вѣру; не унывайте дѣти.

Иванъ.

Чего унывать; за дѣло еще крѣпче стать надо.

Андрей.

Теперь нéчего думать да раздумывать, нéчего мѣшкать.

Антонычъ.

Идите всѣ поголовно.

Семенъ.

На кого только васъ-то мы бросимъ?

Елисеичъ.

Не тужите. Мы уйдемъ съ женами и дѣтьми въ лѣса, или въ другое село. Идите всѣ.

Народъ.

Идемъ.

Антонычъ.

Изъ васъ естъ крѣпкіе люди; много сдѣлать можете добраго.

Борисъ.

Сдѣлаемъ по силамъ.

Иванъ.

А куда же идти въ сходъ?

Антонычь.

Да на Нижній; тамъ и разузнаете. А Нижній Новгородъ за правду стоитъ.

Семенъ.

Дѣло, на Нижній.

Иванъ.

Такъ на Нижній?

Всѣ.

На Нижній.

Антонычь.

Кто это бѣжитъ сюда?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и крестьянинъ, весь въ пыли.

Семенъ.

Что ты, откуда?

Андрей.

Ахъ, да это Радивонъ. Что ты, Радивонъ?

Радивонъ, *подходитъ къ старикамъ.*

Село наше....

Иванъ.

Ну что́?

Радивонъ.

Все разграблено наше село.

Антонъ.

Вотъ оно́!

Радивонъ.

Пришли Ляхи и Русскіе воры, село выжгли, людей выбили, Божью церковь разорили.

Семенъ.

Вотъ оно, горе-то наше.

Радивонъ.

Я насилу ушелъ и принесъ вамъ вѣсть. — Воры и Ляхи, слышалъ я, и въ вашу сторону сбираются.

Иванъ.

Дожидаться мы воровъ не будемъ; сами на встрѣчу идемъ.

Радивонъ.

Идете?

Семенъ.

Да, всѣ.

Радивонъ.

Мнѣ бы только отдохнуть, а тамъ я отъ васъ не отстану.

Антонъ.

Милости просимъ съ нами.

Антонычь.

Видите, дѣти, вотъ вамъ живая грамота; чего еще ждать?

Народъ.

Нéчего, нéчего. Мы готовы.

Антонычь.

Ну такъ сбираться, не мѣшкая.

Елисеичь.

Ну такъ съ Богомъ, дѣти.

Народъ.

Съ Богомъ.

(Старики подымаются съ мѣстъ; смѣшанный говоръ).

Борисъ, *дѣвушкѣ.*

Прощай, красная дѣвица.

Ольга.

Прощай, добрый молодецъ.

Борисъ.

Приведетъ ли Богъ увидѣться?

Ольга.

Какъ Богу будетъ угодно.

Антонычь.

Надо дѣло по порядку дѣлать, дѣти; толкомъ, не торопясь; поспѣшишь, людей насмѣшишь.

Елисеичь.

Съ того начнемъ, что Богу помолимся; потомъ собираться; потомъ опять помолимся Богу, да и въ дорогу. Пойдемте же.

*

Антонычь.

Пойдемте же за околицу; тамъ толковать просторнѣе. Туда и остальные соберутся.

Иванъ.

Пойдемте всѣ.

(*Народъ весь уходитъ*).

Перемѣна декораціи.

Нижній Новгородъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Площадь. Народъ стоитъ на площади.

Иванъ.

Ну вотъ и грамота отъ Аврамія; пишетъ онъ, что и сами мы знаемъ: трудную нашу бѣду.

Семенъ, *подходя*.

Что, грамоту читали?

Антонъ.

Сей часъ прочли во всемъ народѣ. — Вотъ мы и толкуемъ.

Семенъ.

А пишетъ что̀?

Антонъ.

А пишетъ то же горе и ту же бѣду. Охъ, знаемъ мы её. Пишетъ еще, что надо идти на выручку нашимъ.

Семенъ.

Надо.

Антонъ.

Надо.

Народъ.

Надо.

Елисей.

Кто про то и говоритъ, что надо. Надо и нашъ Нижній оберегать.

Елизаръ.

Съ какой стороны ни обернись, вездѣ бѣда; вездѣ на тебя казаки, Ляхи, Нѣмцы, свои воры.

Иванъ.

Экое время какое!

Антонъ.

Тяжелое, тяжелое времечко. Ужъ сколько лѣтъ нѣтъ ни мира, ни тишины.

Андрей.

Да сколько: да это все съ вора Гришки Отрепьева. Тому вотъ ужъ осмой годъ.

Елисей.

Ужъ видно, что дьявольскій обманъ; какъ поддались ему, такъ вотъ что сталось съ нашей землей.

Антонъ.

Что посѣешь, то и пожнешь. Вѣстимо.

Ермилъ.

Ляхи эти поганые столько надѣлали хлопотъ съ своими самозванцами, что по сю-пору не развяжемся.

Семенъ.

Такую горькую кашу наварили, что все расхлебать не можемъ.

Иванъ.

И наши виноваты, чтó говорить; сколько народу своровало, Вѣрѣ и землѣ измѣнило, и стали злѣе Ляховъ на братью свою.

Антонъ.

А вдвое того больше народу шатаются и за чтò стоять, не знаютъ.

Елисей.

Гнѣвъ Божій, да и только. Что ни дѣлаешь, все не спори́тся.—Самозванца Гришку свели, — еще хуже стало.

Иванъ.

Надо правду сказать: — виноватъ тутъ Василій Ивановичь. Земской Думы не дождался, да на престолѣ, безъ совѣту всей земли, и сѣлъ.

Андрей.

Самозванецъ намъ и отрыгнулся, да горше прежняго.

Елисей.

Правда, что̀ и говорить: виноватъ Василій Иванычь Ну да и потомъ, ни въ чемъ удачи не было, ничего Богъ не благословлялъ. Вотъ поднялся было князь Михайло Васильевичь Скопинъ-Шуйскій. Пошло было дѣло, полегче было стало. — А тутъ позавидовали ему, да его и отравили.—Вѣдь такъ говорятъ.

Антонъ.

Слухъ такой, дѣдушка Елисей.

Семенъ.

Слухъ на правду похожъ.

Иванъ.

Вотъ и видимое дѣло, какъ Богъ за злыя дѣла караетъ.

Андрей.

Да то-бы Василья Ивановича.

Иванъ.

Да видно всѣ мы грѣшны.

Елисей.

Ну вотъ свели Василья Ивановича; былъ онъ виновенъ, ну и свели его; тутъ прельстились, присягнули Владиславу, Польскому Королевичу. — Опять бѣда земская. — Вотъ поднялся и Прокофій Петровичь Ляпуновъ, поднялся за Вѣру православную да за Русскую землю, чистымъ сердцемъ, крѣпкою рукою, и съ нимъ многіе городы. Стало опять полегче. — Пошли подъ Москву, стали ее доступать; враговъ въ тѣснотѣ держали. — Тутъ Трубецкой съ Заруцкимъ,

да измѣнники казаки его, преступивъ крестное цѣлованье, Прокофья Петровича и убили. — Все гнѣвается Господь.

Антонъ.

Не благословляетъ Богъ нашего дѣла, не шлетъ намъ спасенія; стало гнѣвенъ Онъ; не прощаетъ насъ грѣшныхъ.

Семенъ.

Да, легъ Прокофій Петровичь головою за правду.

Иванъ.

Земскому дѣлу то поруха великая.

Елисей.

А послѣ него встала смута въ полкахъ, да еще какая; казакамъ теперь воля; а добрые бояре изъ полковъ всѣ разъѣхались по домамъ, а ратные люди разбрелись розно.

Семенъ.

Вотъ какъ дѣло-то опять пошло плохо.

Елисей.

То-то и есть; каково теперь стало, сами видите. Гнѣвъ Господень на насъ.

Антонъ.

Что́ и говорить. Тяжка рука Твоя, Господи, умилосердись.

Ермилъ.

Не попомни грѣхамъ нашимъ.

Антонъ.

Чтó и говорить; худо, худо дѣло. Ну, чего ждать отъ Трубецкаго да Заруцкаго, а они только съ казаками подъ Москвой и остались.

Андрей.

А Новгородъ выбираетъ Свійскаго Королевича.

Иванъ.

А Король собирается идти подъ Москву и прочитъ её, да и насъ всѣхъ, себѣ.

Антонъ.

Вотъ времена какія тяжкія. — Собрались было, пошли было, стали было за Вѣру православную и землю Русскую, и встала смута горше прежняго.

Иванъ.

А можетъ и спасенье за то сильнѣй прежняго придетъ; кто знаетъ? Что нѣтъ Ляпунова,—такъ вѣдь не однимъ человѣкомъ вся Русь держится.

Антонъ.

Не однимъ; да хорошаго ничего посямѣста еще не видно.

Андрей.

Нашъ Новгородъ Нижній радъ бы стоять за земское дѣло, да пристать-то почитай не къ кому.

Семенъ.

Нашъ Новгородъ Нижній крестнаго цѣлованья не преступалъ.

Антонъ.

Не преступалъ и не преступитъ до конца; стоялъ изначала и до конца стоять будетъ.

Ермилъ.

Такъ оно; да легче-то отъ этого намъ нѣтъ. — Тамъ что ни говори: такъ бы, да этакъ бы, — да теперь-то что̀? Земское-то дѣло стало худо; кто ни станетъ за него, тотъ и пропадетъ отъ измѣны и хитрости.

Елисей.

Ужъ сколько разъ принимались, да и люди-то какіе, — и все вѣдь хуже становилось.

Семенъ.

Чтожъ, вѣдь нельзя же такъ оставить, все надо стоять по силамъ.

Народъ.

Вѣстимо надо.

Андрей.

Кто Москву православную теперь достаетъ? разбойники Трубецкой да Заруцкой.

Антонъ.

Воры воровъ въ осадѣ держутъ.

Ермилъ.

А Маринка съ сыномъ новые замыслы замышляетъ.

Народъ.

Худо дѣло.

Андрей.

Худо отъ всѣхъ сторонъ, и спасенья не видно.

Иванъ.

Не слухомъ слышимъ, сами видимъ: до всѣхъ до насъ конечная гибель доходитъ.

Народъ.

Горе.

(*Молчаніе*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Мининъ, вошедшій непримѣтно при послѣднихъ словахъ и ставшій на лобное мѣсто.

Мининъ, *на Лобномъ мѣстѣ.*

Послушайте, православные, моихъ неразумныхъ рѣчей. (*Народъ оборачивается лицомъ къ нему*).

Многіе.

Говори, Козьма Миничь! Что́ скажешь?

Козьма.

Видите, братья, сами, въ какой мы бѣдѣ; видите сами, что Московскому государству конечная гибель приходитъ. — Такъ чтожъ? Ждать намъ чтоли, пока и до всѣхъ до насъ дойдетъ гибель, пока въ конецъ не погибла Русская земля и Вѣра православная?—Не на то мы братья, не на то мы въ единой купели крестилися.— Иль оставимъ Вѣру православную и землю нашу? — а то какой грѣхъ, сами помыслите; то и говорить нѐче-

го. — За грѣхи наши послалъ Господь Богъ намъ искушенье, — такъ унывать не надо, а надо терпѣть и смиряться, да все стоять за правое дѣло.—Грозенъ Господь во гнѣвѣ своемъ, да Онъ и многомилостивъ; въ томъ усумниться грѣшно. — Покаемся Господу, Онъ насъ и помилуетъ, да насъ и спасетъ.—Такъ похотимъ, братья, стать за Московское государство и за нашу Вѣру православную. А словами одними не много поможешь; что́ слово безъ дѣла?—Слава Богу, еще не всѣ мы избиты до послѣдняго, и животы не всѣ изтеряны. Есть кому идти, да есть и съ чѣмъ идти. Такъ не пожалѣемъ животовъ своихъ, продадимъ имѣнья и дворы наши, заложимъ женъ и дѣтей, отдадимъ послѣднее, что у насъ есть, а сами пойдемъ подъ Москву на выручку и избавленіе Вѣры православной и Русской земли.

Народъ.

Пойдемъ, пойдемъ! Дѣло! Послѣднее отдадимъ!

Козьма.

Пойдемъ, братья. Мѣшкать тутъ грѣхъ великій. Пойдемъ и станемъ за нашу землю и Вѣру православную.— Милосердый Богъ поможетъ намъ. Многомилостивъ. Не до конца прогнѣвается.

Народъ.

Правда! Съ Богомъ! Идемъ!

Елисей.

Истинно такъ. Спасибо тебѣ, Козьма Миничь, на добромъ словѣ

Ермилъ.

Правда. Такъ подъ Москву, за святое дѣло!

НАРОДЪ.

Идемъ всѣ.

КОЗЬМА.

Напередъ выберемъ себѣ добраго воеводу, кто бы велъ насъ и кто бы дѣло ратное зналъ.

НАРОДЪ.

Вѣстимо, надо выбрать; да кого бы?

КОЗЬМА.

Переберемъ всѣхъ, такъ и найдемъ.

АНТОНЪ.

Да есть такой человѣкъ, далеко не́чего ходить.— Ужъ кому, какъ не ему быть нашимъ воеводою. Бога онъ боится, за крестное цѣлованье свое стоитъ, души своей не ломалъ, за правое дѣло стоитъ и радѣетъ.

МНОГІЕ.

Да кто?

АНТОНЪ.

Да Князь Дмитрій Михайловичь Пожарской.

НАРОДЪ.

Такъ, правда; Князь Дмитрій Михайловичь всегда за крестное цѣлованье стоялъ.

ЕРМИЛЪ.

Человѣкъ онъ духомъ смиренный.

ИВАНЪ.

Незлобивый.

СЕМЕНЪ.

Чистъ передъ Богомъ, правъ передъ людьми.

Козьма.

Есть въ немъ и разумъ и храбрость.

Елизаръ.

И правда.

Семенъ.

Такъ ужъ конечно его выбрать.

Андрей.

Кого же другаго?

Козьма.

Такъ выберемъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго?

Народъ.

Князя Пожарскаго.

Козьма.

Всѣ выбираемъ?

Народъ.

Всѣ выбираемъ.

Козьма.

Такъ на томъ у насъ положено?

Народъ.

На томъ положено.

Козьма.

Ну и дѣло. *(Сходитъ съ возвышенія).*

Елисей.

Дѣло ты сказалъ, Козьма Миничь; спасибо тебѣ, да не одинъ разъ.

Всѣ.

Спасибо, спасибо.

Иванъ.

Князь Дмитрій Михайловичь настоящій стоятель за правое дѣло.

Ермилъ.

Настоящій нашъ воевода.

Андрей.

Надо къ нему отправить выборныхъ.

Козьма.

Вѣстимо выберемъ пословъ, да и отправимъ.

Еремей.

А гдѣ онъ теперь?

Елисей.

Да въ своей вотчинѣ, въ Пурѣхъ; онъ тамъ болѣнъ лежитъ отъ ранъ.

Антонъ.

Да, что послѣ Московскаго разоренья.

Елизаръ.

Что во вторникъ на страстной недѣлѣ схватка была, — да, онъ тутъ сталъ крѣпко за Божіе и земское дѣло.

Козьма.

Трое сутокъ онъ въ засѣкѣ отбивался отъ воровъ Польскихъ людей и нашихъ измѣнниковъ; весь тамъ израненъ; стрѣльцы на-силу спасли его изъ подъ сабель да изъ подъ пуль; отъ тѣхъ ранъ онъ и лежитъ въ своей вотчинѣ болѣнъ.

Иванъ.

Такъ выберемъ, да и пошлемъ къ нему бить челомъ.

Семенъ.

Выберемъ отъ всякихъ людей.

Народъ.

Вѣстимо.

Козьма.

Пойдемте, братья, по домамъ; повѣстимъ всей братьѣ нашей, на чемъ у насъ положено; они намъ перечить не станутъ. — Пословъ выберемъ, да и отправимъ къ Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, чтобы былъ у насъ воеводою. — Можетъ, Богъ нашъ милосердый надъ нами смилуется и помощь свою намъ подастъ.

(*Всѣ уходятъ*).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Комната въ домѣ Князя Пожарскаго. Налѣво дверь въ образную.

Князь Пожарской и Княгиня Пожарская.

Пожарской.

Вотъ Богъ милостивъ, и оправляюсь; нынче мнѣ гораздо полегче. — Притвори-ка дверь въ образную.

Княгиня, *затворяетъ дверь.*

Давно пора оправляться. — Легко ли, со вторника на

страстной недѣлѣ по сю пору, все ты болѣнъ, князь ты мой. — Экъ какъ они тебя изполосовали.

Пожарской.

Что же дѣлать-то, матушка? Вѣдь сабля рѣжется, а копье колется, а свинецъ и не спросясь въ гости идетъ.

Княгиня.

То-то, князь Дмитрій Михайловичь! На долголь ты выздоровѣлъ? — чай опять пойдешь.

Пожарской.

А какъ же, Прасковья Варѳоломеевна. Бѣда-то у насъ все прежняя. такъ по прежнему надо и стоять, каждому по силамъ — Иль не пустишь?

Княгиня.

Когда стоять не надо. — Ступай себѣ съ Богомъ за правду. — Я помолюсь за тебя. Богъ дастъ, цѣлъ и здоровъ воротишься. — А возьметъ тебя Господь, такъ Его Святая воля; авось на томъ свѣтѣ увидимся. — Охъ, да горько, что времена-то такія!

Пожарской.

Великое горе — коли земское горе. Въ томъ-то вся и сила. Мнѣ и вѣсти-то приходятъ не часто; что-то дѣлается?

Княгиня.

Да все пока худо; не знай, когда и смилуется Господь, когда и спасенье пошлётъ

Пожарской.

Вотъ Прокофій Петровичь, сталъ было крѣпко; че-

ловѣкъ-то какой былъ; прямой воевода! Убили измѣнники, предатели окаянные. Положилъ онъ животъ свой. — Экое горе!

Княгиня.

Послѣ него еще и хуже стало.

Пожарской.

Экое горе; не былъ я съ нимъ жалко.

Княгиня.

Ты бы не выдалъ.

Пожарской.

Не выдалъ.

Княгиня.

Тебя бы изрубили, какъ Ржевскаго.

Пожарской.

Ужъ тамъ не знаю, чтобы Богъ послалъ, а не выдалъ бы кажется. — Святой человѣкъ Ржевской; привелъ его Богъ животъ свой за недруга положить; не всякому такая доля. — Нуженъ былъ человѣкъ, Прокофій Петровичь; ну кого теперь такого найдешь. — Вотъ есть князь Василій Васильевичь, да въ плѣну теперь у Короля. Эхъ, смута, смута! ну да что унывать.

Княгиня.

Унынье грѣхъ.

Пожарской.

Что это кони ржутъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Иванъ.

Иванъ.

Князь Дмитрій Михайловичь! Къ тебѣ пришли люди изъ Нижняго.

Пожарской.

Люди! какіе люди?

Иванъ.

Да не знай, — посланные какіе-то, сдается.

Пожарской.

Посланные! что такое? Зови сюда.

(*Иванъ уходитъ*),

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже безъ Ивана.

Пожарской.

Чтобы такое это было?

Княгиня.

Вѣдь это по тебя, князь.

Пожарской.

Ну вотъ, по меня.

Княгиня.

Да коли нужно можетъ куда тебя послать на бой; прослышали, что тебѣ полегче стало.

Пожарской.

Такъ можно бы грамоту прислать, иль гонца. Нѣтъ, не съ земскими ли вѣстями, важными?

Княгиня.

И то статься можетъ. Никакъ ихъ тамъ много наѣхало.

Пожарской.

Припаси-ка имъ чего нибудь, да вынеси-ка имъ меду ставленаго.

(Княгиня уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Пожарской, ***одинъ.***

Чтобъ такое было?

ЯВЛЕНІЕ XII.

Пожарской; растворяются двери и входятъ послы.

Послы.

Здравствуй, князь Дмитрій Михайловичь!

Пожарской.

Здравствуйте бояре, дворяне, купцы и всѣ люди православные!

Первый посолъ.

Князь Дмитрій Михайловичь! Мы послы къ тебѣ отъ Нижняго Новгорода.—Нижній Новгородъ велѣлъ спросить тебя о здоровьи. А самъ Нижній Новгородъ бьетъ тебѣ челомъ и слезно молитъ на томъ: самъ ты вѣдаешь нынѣшнее тяжкое время, какъ Поляки, съ Русскими измѣнниками сложившись, Московскимъ государствомъ завладѣли, и грабятъ, и церкви разоряютъ, и царствующій градъ Москву въ плѣненьи держатъ. — А то великій будетъ грѣхъ отдать намъ Вѣру православную и землю нашу Ляхамъ на разореніе, Божьи церкви на разграбленіе, женъ и дѣтей на плѣненіе.

Другой посолъ.

И видя ту бѣду земскую, похотѣлъ Нижній Новгородъ помочь Московскому государству учинити; хочетъ продавать дворы свои, отдавать послѣднее, казну сбирать, и идти подъ Москву стать за Божіе и земское дѣло. — Уныніе грѣхъ. — Милосердый Богъ не до конца прогнѣвается, помилуетъ насъ грѣшныхъ.

Третій посолъ.

Нижній Новгородъ на Бога упованье положилъ и земскимъ дѣломъ промышлять хочетъ, сколько милосердый Богъ помочи подастъ.—И въ Нижнемъ Новгородѣ говорили, что надо де намъ у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ выбрать воеводу добраго, чтобы былъ у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ, и за правду стоялъ.

Первый посолъ.

И поговоря со всѣми людьми, выбрали тебя, князя Дмитрія Михайловича, всѣмъ народомъ; и выбравши тебя, да насъ послами къ тебѣ о томъ и послали. И бьетъ тебѣ Нижній Новгородъ челомъ на томъ, и слезно молитъ: буди намъ воеводою у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ.

(*Кланяются*).

Пожарской.

Что́ вы, Богъ съ вами! Да куды мнѣ? Я за земское дѣло стояти радъ; да куда мнѣ быть воеводою.

Дворянинъ, *кланяется.*

Не откажи, князь Дмитрій Михайловичь!

Купецъ.

Богъ того хочетъ.

Дьякъ.

Гласъ народа — гласъ Божій.

Послы.

Не откажи, князь Дмитрій Михайловичь; мы всей землей тебя молимъ.

Пожарской.

Да можно бы найдти и кромѣ меня.

Дворянинъ.

Князь Дмитрій Михайловичь! Тебя выбралъ Нижній Новгородъ всѣмъ міромъ. — Какъ же тутъ отказываться?

Купецъ.

А буде откажешь, земскому дѣлу будетъ поруха великая, а тебѣ стыдъ и грѣхъ великій.

Посадской.

Воля народная, князь Дмитрій Михайловичь. — Богъ положилъ намъ такъ на сердце. — Это Его святая воля.

Пожарской.

Ахъ, Господи, да я бы радъ, — да гдѣ мнѣ? Я того не достоинъ.

Дворянинъ.

Услышь волю Господню, и Господь тебя укрѣпитъ. — А выбралъ тебя весь Нижній Новгородъ.

Посадской.

Ты любъ намъ, князь Дмитрій Михайловичь. Мы тебя хотимъ; ты нашъ воевода; другаго намъ не надо. Мы тебя выбрали всѣмъ міромъ. Это Божія и земская воля.

Дворянинъ.

Весь Нижній Новгородъ бьетъ тебѣ челомъ и молитъ слезно: буди у насъ воеводою, не откажи пожалуй.

(*Кланяются*).

Пожарской.

Да будетъ воля Господня.

Всѣ.

Спасибо тебѣ, князь Дмитрій Михайловичь, что не отказалъ намъ. Богъ наградитъ тебя.

Дворянинъ.

Весь Нижній Новгородъ кланяется тебѣ на твоемъ жалованьи.

Пожарской.

Нельзя мнѣ земской воли не слушаться, а я бы за это дѣло не принялся. Ну да на Бога полагаю надежду свою. — Онъ укрѣпитъ меня.

Купецъ.

Спасибо тебѣ, князь Дмитрій Михайловичь, что не презрѣлъ нашего моленья.

Пожарской.

Радъ я служить земскому дѣлу по силамъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже, и Княгиня со слугою, несущимъ медъ.

(Всѣ кланяются княгинѣ, она тоже).

Пожарской.

Вотъ, княгиня: это послы ко мнѣ отъ Нижняго Новгорода. По милости Божіей, Нижній Новгородъ крѣпко сталъ за земское дѣло, и выбралъ меня воеводою.

Княгиня, *помолчавъ.*

То честь великая.

Пожарской.

Я земской воли ослушаться не смѣлъ.

Княгиня, *вздохнувъ.*

Что же, князь Дмитрій Михайловичь,—это воля Божія.

Послы, *кланяются княгинѣ.*

Спасибо тебѣ, княгиня, что съ нами въ одной мысли.

Княгиня.

Время нынѣ холодное, зимнее; надо вамъ согрѣться, дорогіе гости. — (*Обноситъ всѣхъ ихъ медомъ съ поклономъ*).

Дворянинъ.

Князь Дмитрій Михайловичь, молимъ тебя ѣхать въ Нижній вскорѣ. — Раны твои зажили?

Пожарской.

Зажили, слава Богу; поѣду въ Нижній не мѣшкая.

Другой дворянинъ.

Будемъ ждать тебя.

Пожарской.

Такъ Нижній сбираетъ казну на ратныхъ людей?

Купецъ.

Все, что есть, отдаетъ Нижній Новгородъ.

Пожарской.

Такъ у сбора денегъ надо бы вамъ для порядка человѣка, чтобъ дѣло не путалось.

Дворянинъ.

Надо, князь Дмитрій Михайловичь. Да кого бы у насъ такого найдти?

Пожарской.

Да есть у васъ такой человѣкъ,—Козьма Мининъ, прозваніемъ Сухорукой; тому то дѣло за обычай; онъ у ратныхъ дѣлъ бывалъ.

Дворянинъ.

Знаемъ мы Козьму. Человѣкъ онъ доброй; за правду стоитъ. — А коли ты говоришь, что онъ и дѣло то разумѣетъ (*оборачивается къ посламъ*), такъ чтожъ мы его и приставимъ, а? Такъ-ли? Согласны?

Послы.

Согласны; приставимъ къ тому дѣлу Козьму.

Пожарской.

Ну и ладно. А теперь, гости дорогіе, не хотите ли хлѣба-соли откушать, да отдохнуть?

Дворянинъ.

Спасибо тебѣ, князь Дмитрій Михайловичь; позволь намъ съ дороги маненько пообчиститься. А отвѣдавъ твоей хлѣба-да-соли, да отдохнувъ,—мы тотчасъ назадъ въ Нижній и поѣдемъ.

Пожарской.

Княгиня, похлопочи пожалуй, чтобы было намъ съ гостями что поужинать.

Княгиня.

Угостимъ дорогихъ гостей, чѣмъ Богъ послалъ.

(Уходитъ).

(Послы, поклонившись Пожарскому, онъ имъ также кланяется, уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Пожарской одинъ.

Такъ мнѣ указалъ Господь быть воеводою; — а я и не думалъ. Охъ, не по силамъ бы мнѣ такое дѣло! Ну, да пусть будетъ Его святая воля.

(Уходитъ въ образную).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

1612 годъ. Іюнь — Іюль.

ЯРОСЛАВЛЬ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Площадь передъ съѣзжей избой; народъ, ратные и нератные люди, стоятъ толпою на площади.

Иванъ, *оглядываясь.*

Площадь-то полнымъ полнёхонька. Много насъ сошлось въ Ярославль за святое дѣло.

Елизаръ.

Изъ разныхъ мѣстъ.

Антонъ.

Въ великомъ мы здѣсь собраніи.

Ермилъ.

Костромичи, и Рязанцы, и Коломничи, и Вязмичи, да и мало ли еще.

Иванъ.

Господь смиловался, посылаетъ совѣтъ и любовь; а этого до сихъ поръ не было.

Ермилъ.

Совѣтъ и любовь—благословеніе Божіе.

Антонъ.

Далъ намъ Богъ воеводу добраго; съ нимъ не пропадемъ, съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ.

Борисъ, *къ нѣкоторымъ.*

Вашему Нижнему Новгороду спасибо. Нижній Новгородъ сталъ за Божіе и земское дѣло первый.

Елисей.

А нашъ Нижній Новгородъ спасибо скажетъ Козьмѣ Миничу.—Хоть и всѣ тоже думали, да слово-то все онъ сказалъ.

Антонъ.

Спасибо Козьмѣ Миничу; вѣдь его и выбрали ото всей земли Русской.

Иванъ.

И князь Дмитрій Михайловичь во всемъ съ нимъ совѣтуетъ.

Борисъ.

Какъ сердце у насъ порадовалось, какъ прослышали мы въ Коломнѣ про ваше Нижегородское дѣло.

Антонъ.

Да, какъ только прослышала про это наша Коломна, къ доброму дѣлу тотчасъ и пристала.

Ермилъ.

И Дорогобужъ.

Иванъ.

И мы Вязмичи.

Елизаръ.

И наша Рязань.

Захаръ.

Да и мы Смольяне, которые собрались.

Семенъ.

И наша Балахна.

Егоръ.

И нашъ Ярославль.

Многіе.

Да и мало ли еще: Низовые, Украйные городы, Поморскіе.

Семенъ.

А все Нижнему спасибо.

Народъ.

Спасибо, спасибо Нижнему.

Елисей, *кланяясь.*

Это Божія милость, Бога благодарить надо.

Семенъ.

Богу благодаренье, а добрымъ людямъ спасибо.

Ермилъ.

А вѣдь зажились мы въ Ярославлѣ.

Антонъ.

Да что дѣлать-то; подъ Москву нельзя идти такъ, очертя голову. Къ кому мы тамъ придемъ?—вѣдь къ разбойникамъ.

Иванъ.

Вѣстимо такъ. Пусть еще Дмитрій Тимоѳеевичь и туда и сюда А ужъ Иванъ-то Мартыновичь, — такъ хоть сей часъ бы на висѣлицу, такъ совсѣмъ готовъ.

Ермилъ.

То-то и есть; какъ же идти? Хотѣли было, малое время помѣшкавши; да вѣдь сами же они, воры, прислали къ намъ, что цѣловали крестъ Сидоркѣ, Псковскому Самозванцу.

Иванъ.

Экой живущей какой; сперва сожгли, тамъ голову отрубили: все живъ.

Елисей.

Живуща неправда въ людяхъ.

Ермилъ.

Ну то-то же.—Писалъ про Сидорку и про ихъ воровство, князю Дмитрію Михайловичу Артемій Васильевичь Измайловъ.—Князь Дмитрій Михайловичь, про ту вѣсть слышавши, остановился; да и отрядилъ ратныхъ людей впередъ; — воевода онъ разумный.

Антонъ.

Что̀ про то и говорить; дѣло ратное знаетъ; отъ Бога ему дано.

Иванъ.

Да и Боже сохрани, такъ идти къ нимъ, безъ опасу.— Да эти воры казаки хуже Поляковъ. — Вѣдь вотъ Прокофій Петровичь Ляпуновъ; — убили они его, разбойники.

Семенъ.

То то и есть.—Нѣтъ ужъ мы князя Дмитрія Михайловича не выдадимъ.

Антонъ.

А вѣдь чай они на него тоже зубы грызутъ.

Ермилъ.

Нѣтъ, да Богъ сохранитъ его; помилуетъ насъ грѣшныхъ.

Иванъ.

Вѣдь эти казаки бездѣльники, имъ бы только чужое брать; живутъ, не какъ праволавные Христіяне. Не работаютъ; а кто другой наработаетъ — отымутъ. До́ма не знаютъ; ходятъ по свѣту, по чужимъ домамъ, да грабятъ.—А вотъ у меня жена и дѣти до́ма остались; самъ я пошелъ.

Антонъ.

А у меня отецъ и мать до́ма.

Ермилъ.

И у меня тоже.

Елизаръ.

И у меня жена и дѣти, да и у каждаго изъ насъ семья, родные. Мы бросили наши домы и пошли за Вѣру, за землю нашу и за наши семьи, какъ православные Христіяне.

Антонъ.

Видитъ Богъ нашу правду. — Не на пролитіе крови пошли мы, а на унятіе крови Христіянской.—И Богъ намъ, братья, поможетъ.

Елизаръ.

Да, а казаки эти только того и смотрятъ, какъ бы жечь да грабить.

Елисей.

Вотъ прислали они, разбойники, новую грамоту.

Иванъ.

Я видѣлъ, какъ проходили они вонъ въ Съѣзжую Избу.

Семенъ.

И я видѣлъ, я знаю ихъ. Это Чеглоковъ, да Витовтовъ, да еще другіе съ ними.

Борисъ.

То-то и дожидаемся.—Что-то намъ скажутъ объ нихъ?

Егоръ.

А вотъ пришла вѣсть вѣрная, что князь Дмитрій Мамстрюковичь побилъ Ляховъ и воровъ казаковъ.

Антонъ.

И князь Дмитрій Петровичь Лопата.

Народъ.

Слава Богу!

Семенъ.

И ратнымъ людямъ надо бы быть вскорѣ.

Иванъ.

Надо самому князю Дмитрію Мамстрюковичу и князю Дмитрію Петровичу скоро пріѣхать.

Антонъ.

А скоро ли-то пріѣдутъ къ намъ послы изъ Великаго Новагорода?

Елисей.

Да, стоитъ Великій Новгородъ особѣ, выбираетъ себѣ своего Государя, не свѣстяся со всею землёю.

Ермилъ.

Татищевъ, воротясь оттуда, сказалъ, что добра отъ Великаго Новгорода ждать нéчего.

Егоръ.

Вотъ, лучше подождемъ пословъ; что скажутъ,— услышимъ.

Семенъ.

Охъ, послы, послы! Съ нашими-то въ Польшѣ что дѣется!

Елисей.

Богъ милостивъ; подастъ намъ помощь, и ихъ выручимъ.

Елизаръ.

Князь Дмитрій Михайловичь, Козьма Миничь; вонъ и всѣ, и Чеглоковъ да Витовтовъ, съ товарищи, на крыльцо выходятъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Пожарской, Козьма, Прозоровской и другіе воеводы и посланные отъ Трубецкаго.

Пожарской, *народу, поклонившись.*

Объявляемъ вамъ, люди ратные, народъ православный: что писали къ намъ изъ-подъ Москвы бояре и воеводы, князь Дмитрій Трубецкой, Иванъ Заруцкой, и воеводы и дворяне и дѣти боярскіе и атаманы и казаки и всякіе служилые и жилецкіе люди, которые нынѣ стоятъ въ полкахъ подъ Москвою, и прислали Корнила Никитича Чеглокова да дьяка Алексѣя Витовтова, да атамановъ: Аѳанасья Коломну, Ивана Нѣмова, Степана Ташлыкова, Безсчастнаго Власьева съ товарищи; а съ ними прислали повинную грамоту за своими руками. А въ грамотѣ ихъ написано съ великимъ моленіемъ, что они своровали, цѣловали крестъ Псковскому вору, который нынѣ во Псковѣ, назвавъ его царскимъ именемъ. И нынѣ они про то сыскали, что во Псковѣ прямый воръ, не тотъ, который былъ въ Тушинѣ и въ Калугѣ; они отъ того вора отстали и крестъ межъ себя цѣловали, что имъ тому вору не служить и впередъ иного никого вора не затѣвать; а кто учнётъ затѣвать, и тѣхъ людей казнити смертію;—и быть съ нами со всѣми во всеміріомъ совѣтѣ и въ соединеньѣ, и противъ враговъ нашихъ Польскихъ и Литовскихъ людей стояти, и Московское государство отъ Литовскихъ людей очищати, и Марины и сына ея на Московское государство не хотѣти.—И мы то сказываемъ вамъ для того, чтобы то дѣло вамъ было вѣдомо.

Козьма.

Вѣсти добрыя.

Въ народѣ.

Добрыя вѣсти.

Антонъ.

Да, коли правда.

Семенъ.

Да правда ли?

Елисей.

То-то и есть.

Егоръ.

Не былобъ обмана.

Елизаръ.

Казацкое воровство.

Чеглоковъ.

Мы посланные отъ князя Дмитрія Тимоѳеевича да отъ Ивана Мартыновича, говоримъ вамъ самую истину. — Сатана ослѣпилъ очи наши, а теперь свѣтъ увидѣли.

Борисъ.

И на томъ спасибо.

Антонъ.

Только бы дѣла-то они не портили, сопротивниками только бы не были; а въ товарищи ихъ не просимъ.

Пожарской.

И просятъ они спѣшить подъ Москву.

Чеглоковъ.

Да окажи такую милость, князь Дмитрій Михайловичь.

Въ народѣ.

Твоя воля, князь Дмитрій Михайловичь. — Ты нашъ воевода. — Куда ты, туда и мы.

Елизаръ.

Изъ за ихъ воровства мы только здѣсь и остановились въ Ярославлѣ. — А что идти ли, нѣтъ ли, къ нимъ тотчасъ по ихъ прошенью, — это какъ твоя мысль и что твоя воля.

Пожарской.

Мы съ Козьмою Миничемъ о томъ подумаемъ.

Елисей.

Ты да Козьма, что скажете, то и будетъ.

Борисъ.

На васъ надежда наша.

Антонъ.

Вашъ совѣтъ — и нашъ совѣтъ.

Пожарской, *Чеглокову*.

Такъ мы подумаемъ, когда къ вамъ идти подъ Москву.

Чеглоковъ.

Не медли, князь Дмитрій Михайловичь.

Пожарской.

Даромъ медлить не стану.

Козьма, *Пожарскому вполголоса.*

Народъ-то, кажись, смекаетъ дѣло, князь Дмитрій Михайловичь; уразумѣлъ ты?

Пожарской.

Уразумѣлъ. — Кажись, мысль его правая.

Дворянинъ, *подходитъ поспѣшно къ Пожарскому.*

Князь Дмитрій Мамстрюковичь, Князь Дмитрій Петровичь, братъ твой,—въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда.

Пожарской.

А, идутъ добрые воеводы. Идутъ они съ боя; побили многихъ воровъ и измѣнниковъ Черкасъ. Пойдемте, всѣ люди православные, встрѣтимъ ихъ съ честью.

Народъ.

Многія имъ лѣта. Пойдемъ на встрѣчу нашимъ.

(Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Стенька и Обрѣзка, отдѣляются изъ толпы; Шанда идетъ за толпою.

Стенька, *уходящему Шандѣ.*

Шанда!

Шанда, *оборачиваясь.*

А, Стенька!

Стенька.

Куда ты тамъ идешь; постой. Пусть тамъ они встрѣчаютъ воеводъ своихъ; потолкуемъ-ка.

Обрѣзка.

Ну что, Шанда; вѣдь здоровехонекъ!

Шанда.

Кто, Пожарской-то? Да чтожъ дѣлать!

Стенька.

Что́ дѣлать, башка глупая. Тебѣ сказано, что́ дѣлать.

Обрѣзка.

Тебѣ не даромъ Иванъ Мартыновичъ денегъ далъ, баранъ ты лупоглазый.

Шанда.

Да что́ ты ругаешься. — Я и то сколько разъ собирался.

Стенька.

Собирался, собирался. Нѣтъ, мы съ Ляпуновымъ мигомъ покончили.

Шанда.

Да это вѣдь не такъ легко; тамъ васъ мало ли было. — А тутъ смотри все какой народъ; головы какъ разъ не доищешься; а безъ головы, что́ твои и деньги.

Обрѣзка.

Да чтожъ ты дѣлалъ все время?

Шанда.

Да я собирался съ четверыми, ночью или на пути; да все не удавалось; вѣдь при немъ народъ; не онъ,

такъ другіе, знаешь, какъ его стерегутъ, — мужики-то эти.

ОБРѢЗКА.

И вправду мужики.

СТЕНЬКА.

Насъ Иванъ Мартыновичь прислалъ къ вамъ, дуракамъ, дѣло это покончить.

ШАНДА.

Покончи, сдѣлай милость; надоумь.

СТЕНЬКА.

То-то надоумь, жидъ Нѣмецкой. — Соннаго нельзя было, въ дорогѣ нельзя, ты говоришь.

ШАНДА.

Да ужъ я пытался, нельзя.

СТЕНЬКА.

Такъ вотъ какъ, Обрѣзка. Какъ будетъ онъ въ Съѣзжей Избѣ, — слышишь?

ОБРѢЗКА.

Ну.

СТЕНЬКА.

Тамъ тѣсно бываетъ, въ Съѣзжей Избѣ; такъ въ тѣснотѣ, какъ понадавятъ со всѣхъ сторонъ, такъ тутъ его ножемъ; а тамъ, въ толпѣ-то, доискивайся поди.

ШАНДА.

Больно прытокъ ты. Иль не увидятъ, ты думаешь?

СТЕНЬКА.

Охъ ты жидъ! Тутъ не до тебя будетъ дѣло; тутъ всѣ къ нему кинутся; суматоха. — А какъ хватятся

тебя искать, такъ ужъ ты и далеко будешь; развѣ съ полнымъ кошелемъ только тяжело бѣжать будетъ.

Шанда.

Да, денежекъ много зашибить можно.

Стенька.

Ну такъ какъ же, молодцы?

Шанда.

Трудно, Стенька.

Обрѣзка.

Лихо придумалъ, да...

Стенька.

Да что?

Обрѣзка.

Ну да возмись ты.

Стенька.

А ты?

Обрѣзка.

Ну да ты возмись. — Я то не отстану, да вѣдь надо одному.

Стенька.

Конечно одному. — Такъ вѣдь одинъ и деньги возметъ.

Обрѣзка.

Да коли не поможемъ, такъ конечно тебѣ и деньги.

Стенька.

Дѣло; видно не даромъ вы трусы; видно это счастье мое. Не спорите?

Шанда.

Не споримъ, не споримъ.

Стенька.

Такъ смотрите же: въ Съѣзжей Избѣ; какъ будетъ тѣсно, такъ тутъ; а берусь я.

Обрѣзка.

Хорошо. Такъ.

Стенька.

Ну теперь пойдемте къ мужикамъ этимъ, землепашцамъ, — право слово. Туда же за пищаль, да за копье; туда же съ казаками тягаться; куда имъ!

(Уходятъ).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Изба Князя Пожарскаго.

Пожарской, *входитъ. Оборотясь къ дверямъ.*

Позовите сюда Козьму Минича. *(Садится).* Пора бы къ Москвѣ, да что дѣлать-то. — Дмитрію Тимоѳеевичу не вѣрится; Заруцкому и подавно. Будемъ пока передовыми отрядами промышлять. — Да надо бы вотъ нынче быть и посланнымъ изъ Новогорода. —Дѣла впереди много. — Много-то много, ну да Господь подкрѣпитъ и научитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Князь Пожарской и Мининъ.

Пожарской.

Козьма Миничь, я посылалъ за тобой.

Козьма.

Я встрѣтилъ твоего посланнаго, князь Дмитрій Михайловичь; я и самъ шелъ къ тебѣ.

Пожарской.

Садись-ка, Козьма Миничь, потолкуемъ. — Скоро будутъ посланные изъ Новгорода. Они остановились недалеко; должны быть нынче, скоро; и чай и посольство тотчасъ править станутъ. — Такъ что́ сказать имъ? Что́ твоя мысль и совѣтъ?

Козьма.

Да что сказать, князь Дмитрій Михайловичь: — что надо, то и скажемъ.

Пожарской.

Такъ, да прямо ли имъ отказать, сказать, что не хотимъ Свейскаго Королевича, или сказать, что подумаемъ?

Козьма.

Да скажемъ, какъ есть дѣло: что коли все Свійской Король то исполнитъ, что обѣщалъ,—такъ мы въ Новгородъ пошлемъ людей переговорить для земскихъ дѣлъ. — Больше-то вѣдь не́чего имъ сказать. Оно, мы напередъ знаемъ, что дѣло-то ничѣмъ кончится, и

что иноземцу на Русскомъ государствѣ Государемъ не бывать, да и не хотимъ.

Пожарской.

Дѣло. И моя то мысль была. — А что послать пословъ въ Свію, — мы не пошлемъ.

Козьма.

Не пошлемъ.

Пожарской.

Ну, это дѣло такъ. Ну а теперь тоже: идти ли подъ Москву, или не идти? Вѣдь надо бы идти.

Козьма.

Нѣтъ, князь Дмитрій Михайловичь, не надо; погодимъ. Ворамъ казакамъ вѣрить нельзя. Ужъ мало ли они зла надѣлали, да и теперь дѣлаютъ. — А ужъ на тебя вѣрно они злятся. Они Ляпунова убили. Надо тебѣ ихъ остерегаться. Ты вѣдь намъ дорогъ. — Нѣтъ, князь Дмитрій Михайловичь, погодимъ.

Пожарской.

Ну, погодимъ. — А надо бы, надо подъ Москву.

Козьма.

Надо бы, кто говоритъ; да все повременить не мѣшаетъ; здоровѣе будетъ. — Посмотримъ еще сперва, что будетъ отъ казаковъ; имъ вѣрить такъ нельзя. Да и сами мы посильнѣе станемъ, еще пособеремся.

Пожарской.

Пожалуй погодимъ. — А какъ только можно будетъ, такъ и пойдемъ, не мѣшкая.

Козьма.

Что и говорить. Какая радость мѣшкать безъ нужды.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Боярской сынъ.

Боярской сынъ.

Послы изъ Великаго Новагорода.

Пожарской.

Пріѣхали?

Боярской сынъ.

Пріѣхали, и править посольство хотятъ.

Пожарской.

Сейчасъ я буду въ Съѣзжую Избу. Козьма Миничь, пойдемъ. (*Боярскому сыну*). Повѣсти всѣмъ воеводамъ, чтобы были. (*Боярской сынъ уходитъ*). Экое время горькое! Послы къ намъ изъ Великаго Новагорода, какъ бы изъ чужаго государства.

Козьма.

Князь! уповай на Бога. — Будетъ опять въ цѣлости вся Русская земля, вся воедино соберется.

Пожарской.

Надѣюсь на милость Господню.

(*Уходятъ*).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Съѣзжая изба.

Воеводы князь Дмитрій Петровичь Лопата-Пожарской, князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасской, князь Семенъ Васильевичь Прозоровской, Михайло Самсоновичь Дмитріевъ, дворяне, боярскіе дѣти и множество ратныхъ людей.

Лопата-Пожарской.

Что-то намъ скажутъ послы?

Дмитріевъ.

Пути не будетъ.

Черкасской.

Тотъ будетъ путь, что за переговорами намъ мѣшать не будутъ.

Лопата-Пожарской.

Братъ вѣстимо не подастся. Нашего праваго дѣла съ ихъ дѣломъ не смѣшаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и князь Пожарской и Мининъ.

Пожарской.

Здравствуйте воеводы, дворяне, дѣти боярскіе и вся земля!

Всѣ.

Здравствуй, князь Дмитрій Михайловичь!

Пожарской.

Дмитрій Петровичь, скажи посламъ, что мы ждемъ ихъ, и введи сюда. *(Князь Лопата уходитъ).* А какъ послы взойдутъ, двери вы заприте; вонъ тѣснота-то какая.

Обрѣзка, *съ другой стороны.*

Стенька, ты тутъ?

Стенька.

Молчи.

Обрѣзка.

Чтожъ ты, нынче хочешь, теперь?

Стенька.

Ты молчи, смотри; только ты и другіе, давку сдѣлайте побольше, какъ нужно будетъ. *(Пропадаютъ оба въ толпѣ).*

Дмитріевъ.

Ты насъ пошлешь впередъ, князь Дмитрій Михайловичь?

Пожарской.

Надѣюсь, съ Божіею помощію, скоро васъ отрядить впередъ.

Прозоровской.

Мы тому рады.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и послы, Князь Ѳедоръ Оболенской съ товарищи.

Оболенской.

Князь Дмитрій Михайловичь! Мы послы отъ великаго Новагорода къ тебѣ и ко всѣмъ людямъ православнымъ.

(*Кланяется Пожарскому и на всѣ стороны; ему тоже*).

Преосвященный Исидоръ, Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, и Ноугородскаго государства бояринъ и воевода, князь Иванъ Никитичь Одоевской, и дворяне, и всякіе служивые люди велѣли вамъ говорить: Вѣдомо вамъ самимъ, какъ, по грѣхамъ всего православнаго хрестьянства, корень Великихъ Государей нашихъ, благочестивыхъ Царей и великихъ Князей всея Русіи, исшелъ послѣднимъ Государемъ нашимъ Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всея Русіи; а послѣ его Царя, всѣ единомышленно, всею землею, изобрали на государство Бориса Ѳедоровича Годунова, по его въ Російскомъ государствѣ правительству, и всѣ ему Государю въ послушаньѣ были. — И при его государствѣ нѣкоторой воръ, чернецъ, сбѣжавъ изъ Московскаго государства въ Литву, назвался Государя нашего Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи сыномъ, Царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, и собравъ Польскихъ и Литовскихъ людей, пришелъ на Украйну въ Сѣверу; и въ Сѣверскихъ городѣхъ всякіе люди, чая его прямаго государскаго сына, къ нему пристали и го-

роды ему сдавали, да и на Московскомъ государствѣ учинился былъ. И вы всѣ, бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, узнавъ его вора злой смерти предали, а на Московскомъ государствѣ учинился Государемъ Царь и Великій Князь Василій Ивановичь всеа Русіи, по избранію не многихъ городовъ, а иные многіе украйные городы его себѣ Государемъ не похотѣли, и въ послушаніи быти не почали, а учали себѣ избирать воровскихъ царевичей, Петрушку и иныхъ, и тѣми имяны Московскому государству много зла учинили; а потомъ присланъ изъ Литвы отъ Короля Жидовинъ Богдашко и назвался Царемъ Дмитріемъ, въ того мѣсто, который убитъ на Москвѣ, и съ нимъ многіе Польскіе и Литовскіе люди и Русскіе воровскіе люди, и Московское государство осадили. — И что потомъ учинилось, и какъ Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь государство оставилъ, то все вамъ самимъ вѣдомо. — И съ Польскимъ гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ, Московскіе бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди договоръ былъ учинили и крестнымъ цѣлованьемъ закрѣпили, что быти на Московскомъ государствѣ Жигимонтову Королеву сыну, Владиславу. — И по тому договору Жигимонтъ Король не устоялъ, сына своего на Московское государство не далъ, а Польскіе и Литовскіе люди вшедъ въ городы, Московское государство выжгли и разорили, а людей побили и грабили. — И за такія великія неправды Жигимонта Короля, и за разоренье Московскаго государства, вы всѣ, Московскаго государства бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди, служилые и земскіе, межъ себя соединясь и собрався со всѣми людьми, стали на Поль-

скихъ и на Литовскихъ людей и пришли подъ Москву. А въ тоже время пришелъ къ Новугороду отъ Свейскаго Карлуса Короля бояринъ и воевода Яковъ Пунтосовичь Делегардъ съ Нѣмецкими людьми; и изъ подъ Москвы бояре и воеводы присылали въ Великій Новгородъ чашника и воеводу Василья Ивановича Бутурлина для договору о добромъ дѣлѣ, и съ Яковомъ Пунтосовичемъ съѣзжался и не одиножды, и на тѣхъ съѣздахъ, Свейскаго Карлуса Короля боярину и воеводѣ Якову Пунтосовичу, говорилъ, чтобъ Король пожаловалъ, далъ на Московское государство сына своего Королевича. И Митрополитъ и бояринъ и воеводы и всякихъ чиновъ люди служивые и земскіе, по тому совѣтному списку и приговору, что присланъ изъ подъ Москвы отъ бояръ и воеводъ, съ Яковомъ Пунтосовичемъ договоръ учинили и крестнымъ цѣлованьемъ закрѣпили, что Государю его Карлусу Королю дати на Ноугородское государство, а будетъ похотятъ, и на всѣ государства, изъ дву сыновъ своихъ, Королевича Князя Густава Адольфа или Князя Карла Филиппа; а на какихъ мѣрахъ ему Государю быти на Ноугородскомъ государствѣ и всякія дѣла править, и какъ Ноугороду быти съ Свейскимъ Королевствомъ, о томъ о всемъ писано во утверженыхъ грамотахъ, на которыхъ грамотахъ съ обѣ стороны крестнымъ цѣлованіемъ крѣплено, и списки съ тѣхъ грамотъ къ вамъ съ ними присланы. — И не въ давнемъ времени, Божіимъ судомъ, Свейскаго Карлуса Короля не стало; а на его мѣсто на Свійскомъ королевствѣ учинился Государемъ сынъ его, Королевичь Густавъ Адольфъ; а на Ноугородское государство Карлусъ Король благословилъ сына своего Князя

Карла Филиппа, и отъ матери и отъ брата отпущенъ совсѣмъ, нынѣ въ дорогѣ; а чаяли его Государя вборзѣ, сего Петрова говѣйна къ Ивану дни, или кончая къ Петрову дни; а въ Выборѣ мѣшкати не учнетъ, пойдетъ къ Ноугороду, и чаемъ, будетъ вскорѣ. — И Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ Преосвященный Митрополитъ Исидоръ, и бояринъ и воевода и всякихъ чиновъ люди, служилые и земскіе, по вашей присылѣ и по доброму совѣту, прислали насъ къ вамъ о томъ, чтобъ вы всѣ, межъ себя договоръ учиня, похотѣли быти съ Великимъ Новымъ-городомъ въ общей любви и въ добромъ совѣтѣ, и похотѣти бъ вамъ на государство Московское и на всѣ государства Россійскаго царствія, Государя нашего, пресвѣтлѣйшаго и благороднаго Великаго Князя, Карла Филиппа Карловича: а вѣдомо вамъ самимъ, что Великій Новгородъ отъ Московскаго государства николи отлученъ былъ, ни въ которое время; и нынѣ бы вамъ также, общій совѣтъ межъ себя учиня, быти съ нами въ любви и въ соединеніи, подъ одного Государя рукою.

Пожарской.

Бояре и воеводы и мы всѣ, всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, о томъ у всещедраго Бога и Пречистыя Его Матере милости просимъ, чтобъ намъ Московское государство въ соединеніи видѣть, какъ было при прежнихъ Великихъ Государѣхъ нашихъ, а кроворазлитье бъ въ крестьянствѣ престало; а видѣти бъ покой и тишину, какъ доселѣ было. — При прежнихъ Великихъ Государехъ, послы и посланники прихаживали изъ иныхъ государствъ, а нынѣ изъ Великаго Новагорода вы послы;—а искони,

какъ учали быти Государи на Россійскомъ государствѣ, Великій Новгородъ отъ Россійскаго государства отлученъ не бывалъ. И нѣчтобъ и нынѣ то видѣть, чтобъ Новгородъ съ Россійскимъ государствомъ былъ по прежнему. Только уже мы въ томъ искусились: не такъ бы нынѣ учинилось, какъ Польскаго и Литовскаго Короля. — Польскій Жигимонтъ Король хотѣлъ дати на Россійское государство сына своего Королевича, да черезъ крестное цѣлованье гетмана Польскаго, Станислава Желковскаго, и черезъ свой листъ, за рукою своею и печатью, манилъ съ годъ, и не далъ. А надъ Московскимъ государствомъ, что Польскіе и Литовскіе люди учинили, то вамъ и самимъ вѣдомо. — А Свійскій Карлусъ Король также, на Новгородское государство хотѣлъ сына своего отпустити вскорѣ, да по ся мѣста, уже близко году, Королевичь въ Новгородъ не бывалъ.

Оболенской.

Что Королевичь Карло Филиппъ Карловичь отпущенъ былъ изъ Свіи послѣ договору съ Новгородскими людьми вскорѣ и былъ уже въ дорогѣ, и вѣсть ему учинилась въ дорогѣ, что отца его, Карлуса Короля въ дорогѣ не стало, и онъ для того съ дороги ворочался, и по своей вѣрѣ для погребанья мѣшкалъ. А какъ послѣ Карлуса Короля учинился на Свійскомъ Королевствѣ братъ его, Густавъ Адольфъ Королевичь, и въ тѣ поры Датской Король войну всчалъ, и Королевичь Карло Филиппъ за тѣмъ позамѣшкалъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, съ Густавомъ Королемъ, промышлялъ, противъ Датскаго ратью ходилъ, и многихъ людей Датскихъ побили, и межъ собою съ Датскимъ Коро-

лемъ ссылались и въ миру учинилися. И послѣ того, Карлуса Короля Королева, а Карла Королевича мати, и братъ его Густавъ, Королевича Карла Филиппа отпустили, и чаемъ подлинно, что онъ пришелъ на Иванъ день въ Выборъ, или кончае на Петровъ день будетъ.—И тое статьи какъ учинилъ надъ Московскомъ государствомъ Литовскій Король, отъ Свійскаго королевства мы не чаемъ.

Пожарской.

Мы всѣ единомышленно у Милосердаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего милости просимъ и хотимъ того, чтобъ намъ всѣмъ людемъ Россійскаго государства въ соединеньѣ быть и обрати бъ на Московское государство Государя Царя и Великаго Князя, государскаго сына, только бы былъ въ православной вѣрѣ Греческаго закона, а не въ иной которой, которая вѣра съ нашею православной вѣрою хрестьянскою не состоится. — А какъ Королевичь придетъ въ Новгородъ и будетъ въ нашей православной крестьянской вѣрѣ Греческаго закона, и мы тотчасъ ото всего Россійскаго государства, съ радостію, выбравъ честныхъ людей, которые къ тому великому дѣлу будутъ годны, и дадимъ имъ полный наказъ о государственныхъ и о земскихъ о добрыхъ дѣлахъ говорити и становити какъ государствамъ быть въ соединеньѣ. — А въ Свію намъ пословъ послать никакъ не мочно, потому: вѣдомо вамъ самимъ, что къ Польскому Жигимонту Королю какіе люди въ послѣхъ посланы, бояринъ князь Василій Голицынъ съ товарищи? а нынѣ держатъ въ вязеньѣ, какъ полоняниковъ, и со всякія нужи и безчестья, будучи въ чужой землѣ, погибаютъ.

Оболенской.

То учинилъ Жигимонтъ Король неправдою, да тѣмъ себѣ какую прибыль учинилъ, что пословъ задержалъ? И нынѣ безъ нихъ, вы, бояре и воеводы не въ собраньѣ ли, и противъ враговъ нашихъ, Польскихъ и Литовскихъ людей не стоите ль?

Пожарской.

Надобны были такіе люди въ нынѣшнее время. Толькобъ нынѣ такой столпъ, князь Василій Васильевичь, былъ здѣсь, — и объ немъ бы всѣ держались, и язъ къ такому великому дѣлу, мимо его не принялся бы: а то нынѣ меня къ такому дѣлу, бояре и вся земля сильно приневолили.—И видя намъ то, что учинилося съ Литовской стороны, въ Свію намъ пословъ не посылывати и Государя на государство, не нашія православныя крестьянскія Вѣры Греческаго закона, не хотѣть.

Оболенской.

Мы отъ истинныя православныя вѣры не отпали, а Королевичу Филиппу Карлу о томъ будемъ бити челомъ и просити, чтобъ онъ былъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, и за то хотимъ всѣ помереть; только Карлу Королевичу не хотѣть быть въ православной крестьянской вѣрѣ Греческаго закона, — не токмо съ вами бояре и воеводы и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ, — хотя вы насъ и подадите, и мы одни за истинную вѣру, нашу православную крестьянскую вѣру, хотимъ помереть, а не нашія не Греческія вѣры на государство не хотимъ.

Пожарской.

Посольство ваше кончено; отвѣтъ мы вамъ свой сказали. — Теперь вы наши гости; отдохните съ дороги, да ко мнѣ, хлѣба-соли откушать.

Оболенской.

Спасибо, князь Дмитрій Михайловичь; а того не думай про Великій Новгородъ, чтобы Вѣрѣ православной измѣнилъ.

Пожарской.

Не думаю я того, да васъ-то они обманываютъ. Я твердо уповаю, что по милости Божіей всѣ мы, вся Русская земля и Великій Новгородъ, всѣ, будемъ въ любви и въ соединеньи и воедино соберемся; и поможетъ намъ Богъ отнять нашъ царствующій градъ и мать всѣмъ городамъ, Москву, и отъ невѣрной власти иноземной освободить.

Оболенской.

То и наше培 упованье.

Пожарской.

Прощайте же гости дорогіе.

Послы.

Прощай князъ Дмитрій Михайловичь; простите.

(Кланяются; имъ тоже; уходятъ).

(Народъ врывается толпами въ растворенныя двери; слышны восклицанія: слышали вы? что послы? разскажите!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже безъ Пословъ.

Пожарской.

А съ ними можно бы отправить для переговоровъ человѣка, чтобы съ Новгородомъ не вовсе раздорить.

Козьма.

Это бы хорошее дѣло.

Пожарской.

Какъ вы думаете, воеводы?

Воеводы.

Это и наша мысль.

Пожарской.

Отправить бы съ ними Порфирья Сѣкерина.

Дмитріевъ.

Чтожъ, — его, князь Дмитрій Михайловичь.

Всѣ.

Его.

Пожарской.

Такъ скажите-ка ему, чтобъ онъ это зналъ и чтобъ съ Новгородскими послами ѣхать сбирался. (*Воеводы уходятъ*). А я кстати пойду посмотрѣть пушечный нарядъ. (*Идетъ къ Розряднымъ дверямъ*).

Стенька.

Ну, Обрѣзка, смотри! (*Кидается къ дверямъ и высвобаживаетъ ножъ; Обрѣзка и Шанда тутъ же*).

Пожарской.

Какъ тѣсно; дайте дорогу! (*Съ трудомъ раздвигаются. Пожарской подходитъ къ дверямъ*).

Романъ.

Дай-ка руку, князь Дмитрій Михайловичь; я сведу тебя съ крыльца.—Раздайтесь. (*Народъ пораздвигается. Стенька кидается съ ножемъ между Пожарскимъ и Романомъ; но вмѣсто Пожарскаго поражаетъ въ ногу Романа. — Романъ падаетъ и стонетъ*).

Пожарской, *продолжая идти.*

Въ тѣснотѣ-то....

Народъ.

Стой, князь Дмитрій Михайловичь, не ходи! Тебя хотѣли убить!

Пожарской.

Какъ такъ?

Народъ, *тащитъ Стеньку.*

Стой, не ходи! Вотъ онъ, вотъ злодѣй!.... А такъ вотъ оно!... Не обошлось безъ того!...

Многіе.

Вотъ и ножъ его.

Многіе, *подымая Романа и указывая на Стеньку.*

Романъ! Этотъ?

Романъ.

Этотъ.

Козьма.

А, разбойникъ!

Пожарской.

Я думалъ, что его въ тѣснотѣ ножемъ покололи.

Многіе.

Не отъ тѣсноты это было; да и не его хотѣли; мы видѣли.

Козьма.

Спасъ тебя Господь, князь Дмитрій Михайловичь, намъ на радость, Русской землѣ на добро.

Пожарской.

Благодарю Господа!

Народъ.

Слава Богу!

Козьма, *Стенькѣ*.

Говори, разбойникъ: кѣмъ ты подосланъ?

(*Стенька молчитъ*).

Народъ.

Говори!

Стенька.

Иванъ Мартыновичь Заруцкій.

Многіе.

Такъ и есть.

Многіе.

А, не даромъ мы боялись.

Многіе.

Что, дорого обѣщалъ? Дорого?

СТЕНЬКА.

Дорого.

КОЗЬМА.

Разбойникъ! Іуда! Говори, кто съ тобой еще? Сказывай?

(Стенька молчитъ).

НАРОДЪ.

На пытку его, разбойника!

ПОЖАРСКОЙ.

Можетъ такъ скажетъ.

МНОГІЕ.

Ишь молчитъ.

НАРОДЪ.

На пытку его! Вору по дѣломъ и мука.—Ведите его! Допросимся.

(Уводятъ Стеньку).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Мининъ и Пожарской.

КОЗЬМА.

Теперь онъ отъ народа не уйдетъ; они его допросятся.

ПОЖАРСКОЙ.

Не вздумалъ бы народъ убить его.

Козьма.

Нѣтъ, князь Дмитрій Михайловичь, народъ того не сдѣлаетъ Народъ не разбойникъ, не убійца. — Онъ допроситъ его порядкомъ.

Пожарской.

Пусть такъ, а тамъ мы всей землей приговоръ учинимъ.

Козьма.

Окаянные воры!

Пожарской.

Эхъ ненависть, ненависть людская; не уйдешь отъ нея.

Козьма.

Благодаренье Богу, что ты живъ, князь Дмитрій Михайловичь.

Пожарской.

Да. Пойду благодарить Господа Бога.

Козьма.

Я съ тобою пойду.

(*Уходятъ*).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ XII

Площадка передъ Съѣзжей Избой.

Сцена постепенно наполняется народомъ.

Иванъ, *сходится съ Егоромъ.*

Ну что Стенька?

Егоръ.

Ты не знаешь?

Иванъ.

Не знаю.

Егоръ.

Да, тебя не было все это время.

Иванъ.

Ну такъ что же Стенька?

Егоръ.

Повинился, разбойникъ; и другихъ назвалъ.

Иванъ.

А много ли ихъ?

Елисей.

Довольно Обрѣзка да Шанда съ четырьмя товарищами, да Хваловъ Іуда; хлѣбъ и соль у нашего князя ѣлъ.

Иванъ.

Долго пытали?

Еремей.

Нѣтъ, сейчасъ повинился — Потомъ имъ приговоръ учинили. Надо бы ихъ казнить смертію, разбойниковъ; да князь Дмитрій Михайловичь казнить не далъ; такъ разослали по городамъ, а двухъ, самыхъ-то главныхъ, Стеньку да Обрѣзку, здѣсь оставили; съ собой къ Москвѣ возьмутъ.

Иванъ.

Добръ человѣкъ князь Дмитрій Михайловичь.

Ермилъ.

То-то, видишь, какой человѣкъ; врагамъ своимъ, да какимъ еще, прощаетъ; не помнитъ зла.

Елисей.

А насъ такъ пуще зло беретъ, что на такого человѣка умыселъ злодѣйской затѣваютъ окаянные!

Елизаръ.

Эти злодѣи что еще! А главный-то злодѣй со своей воровской казацкой шайкой, Заруцкой-то Ивашка!— Вотъ надо бы кого казнить.

Елисей.

Да, братья, попомните мое слово: не уйдти ему отъ веревки, либо отъ кола.

Иванъ.

Эти воры казаки хотѣли и князя Дмитрія Михайловича убить, какъ Ляпунова убили.

Антонъ.

Окаянные злодѣи!

Ермилъ.

Нѣтъ, только бы знать, а ужъ мы не дадимъ.

Елизаръ.

Господь спасъ его всѣмъ намъ на радость.

Всѣ.

Слава Богу нашему!

Антонъ.

А знаете ли про Нѣмцевъ, что Шавъ прислалъ.

Елисей.

Знаемъ; за тѣмъ-то мы и собрались. Что-то намъ скажутъ?

Егоръ.

Воеводъ подъ Москву отправляютъ слышно.

Антонъ.

Стало нужно.

Елисей.

Вотъ князь Дмитрій Михайловичь и Козьма Миничь въ Розрядныхъ дверяхъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и Пожарской и Мининъ въ Розрядныхъ дверяхъ.

Пожарской.

Здравствуйте, люди ратные, народъ православный!

НАРОДЪ.

Здравствуй, князь Дмитрій Михайловичь! Здравствуй на многія лѣта!

ПОЖАРСКОЙ.

Пришли ко мнѣ опять изъ подъ Москвы отъ Трубецкаго да Заруцкаго дворяне и казаки, просятъ они поспѣшить, идти подъ Москву вскорѣ. Подходитъ, говорятъ они, гетманъ Хоткѣевъ. Полякамъ, что въ Кремлѣ, это сильная подмога; нельзя же намъ не отрядить противъ него ратныхъ людей, нельзя имъ помощи не подать. — Такъ для того, сдумавши съ Козьмой Миничемъ, примыслилъ я послать впередъ къ Москвѣ противъ Хоткѣева Михайла Самсоновича Дмитріева да Ѳедора Левашева со многою ратію, да съ другою ратію брата своего посылаю, князя Дмитрія Петровича Лопату - Пожарскаго да дьяка Симеона Самсонова. — А сами мы погодя, да и пойдемъ тоже со всею ратію. А воеводамъ велѣлъ я быть готовымъ къ походу, и нынче же ихъ отправляю, тотчасъ. Да вотъ и они идутъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢЖЕ И ВОЕВОДЫ ДМИТРІЕВЪ, ЛОПАТА-ПОЖАРСКОЙ, ЛЕВАШОВЪ И САМСОНОВЪ ВЗХОДЯТЪ НА КРЫЛЬЦО.

ПОЖАРСКОЙ.

Вы готовы совсѣмъ, и все у васъ готово?

ВОЕВОДЫ.

Готовы мы и все готово у насъ, князь Дмитрій Михайловичь.

Пожарской.

Ну такъ съ Богомъ. — Михайло Самсоновичъ, смотри, иди на спѣхъ; въ таборы къ Трубецкому не входить, а стать особо; и построй острожекъ у Петровскихъ воротъ.

Дмитріевъ.

Слушаю, князь Дмитрій Михайловичь.

Пожарской, *князю Лопатѣ.*

А ты, братъ, стань у Тверскихъ особо же.

Лопата-Пожарской.

Слушаю, Дмитрій Михайловичь.

Пожарской.

Ну такъ съ Богомъ. Пошли вамъ Богъ милость, дай вамъ Богъ успѣха и счастья; а вскорѣ и я пойду.

Воеводы.

Прощай, князь Дмитрій Михайловичь! (*Обнимаются съ нимъ и потомъ всѣ кланяются народу*). Прощайте!

Народъ, *кланяется.*

Прощайте; съ Богомъ; добраго вамъ пути.

(Воеводы уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣже безъ воеводъ.

Пожарской.

Вѣдомо вамъ всѣмъ, что присланъ къ намъ Нѣмецъ Яковъ Шавъ съ грамотою отъ Фрейгера, да отъ Ястона, да отъ Гиля, что не похотимъ ли мы ихъ службы; а съ ними же и Яковъ Маржератъ къ намъ просится. А Яковъ Маржератъ человѣкъ здѣсь вѣдомый, зла намъ много учинилъ. — И я, поговоря съ Козьмой Миничемъ, да съ другими воеводы, отъ себя да и отъ нихъ, грамоту отвѣтную написалъ, и въ грамотѣ ихъ, за ихъ о насъ радѣнье похваляя и благодаря, имъ отказалъ, а тому имъ подивился, что они о томъ дѣлѣ въ совѣтѣ съ Француженином съ Яковомъ Маржератомъ; а мы де Маржерата знаемъ; тотъ де Яковъ Маржератъ съ Польскими и Литовскими людьми кровь Христіянскую проливалъ и Москву грабилъ.—И намъ его не надо.—Да и наемные де намъ люди иныхъ государствъ нынѣ не надобны: посямѣста были намъ Польскіе люди сильны потому, что за грѣхъ нашъ государство Московское были врозни; Сѣверскіе городы были особѣ; а Казанское и Астараханское царства и Понизовные городы были особѣ; а во Псковѣ былъ воръ, назвался государскимъ именемъ, и Псковъ и Ивань-городъ были съ нимъ вмѣстѣ; а иные городы и люди многіе были съ Польскими и Литовскими людьми. — А нынѣ де все Россійское государство, видѣвъ Польскихъ и Литовскихъ людей неправду и узнавъ воровскихъ людей заводъ, стали за

едино и изобрали всѣми государствы Россійскаго царствія, всякихъ чиновъ люди, меня де князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго - Стародубскаго. Да и тѣ люди, которые были въ воровствѣ съ Польскими и Литовскими людьми, и стояли на Московское государство, видя ихъ неправду, отъ нихъ отстали, и стали съ нами противъ нихъ единомышленно; и бои намъ были многіе, и многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей побиваемъ, и городы, которые были за ними, очищаемъ къ Московскому государству. И мы чаемъ Милосердаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего милости, оборонимся отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей и сами, Русскою землею, и безъ наемныхъ людей. — А только будетъ за грѣхъ нашъ по какимъ случаямъ, Польскіе и Литовскіе люди учнутъ намъ становиться сильны, и мы тогда пошлемъ де къ нимъ, къ Нѣмцамъ, о ратныхъ людяхъ на наемъ своихъ людей, наказавъ имъ о всемъ подлинно, и договоръ о томъ велимъ учинити. А нынѣ де намъ наемные люди не надобны, и договору о нихъ чинити нечево, и имъ бы къ намъ не ходити и себѣ своимъ приходомъ убытковъ не чинити. А и то еше мы имъ въ грамотѣ написали: о томъ бы имъ къ намъ любовь свою объявити, о Яковѣ о Мержератѣ къ намъ отписати, какими обычай Яковъ Мержератъ изъ Польскія земли у нихъ объявился, и въ какихъ онъ мѣрахъ нынѣ у нихъ, въ каковѣ чести? — А мы чаяли, что ему, за его неправду, что онъ, не памятуя государей нашихъ жалованья, Московскому государству зло многое чинилъ и кровь Христіянскую проливалъ, ни въ которой землѣ ему опричь Польши мѣста не будетъ. — Такъ вотъ что мы имъ отвѣчали.

Въ народѣ.

Дѣло, Дмитрій Михайловичь; не надобны намъ чужіе, наемные люди.

Елисей.

Да еще и Маржератъ туда же, разбойникъ, суется.

Народъ.

Не надобно его.

Елизаръ.

Да и никого наемныхъ не надо.

Народъ.

Не надо.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣже и Григорій Образцовъ.

Образцовъ, *Пожарскому.*

Воеводы выступили.

Пожарской.

Выступили; ну дай имъ Богъ счастья.

Образцовъ.

Да изъ подъ Москвы пришли еще посланные, отъ Украинской рати, Иванъ Бѣгичевъ, да Иванъ Конды-

ревъ съ товарищи, и молятъ, чтобъ ихъ къ тебѣ допустили.

Пожарской.

Милости просимъ; люди, кажется, знакомые, добрые

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣже безъ Образцова.

Козьма.

Отъ Украйныхъ городовъ;—это не казаки.

Въ народѣ.

Это народъ добрый.

Козьма.

Каково-то имъ тамъ?

Елисей.

Да съ казаками вѣрно не ладно, коли ихъ еще мало.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣже и Образцовъ, Кондыревъ и Бѣгичевъ съ товарищи.

Пожарской.

Ну такъ и есть; это они самые: Иванъ Кондыревъ, да Иванъ Бѣгичевъ.

Посланные.

Здравствуй, князь Дмитрій Михайловичь. — Здравствуйте, братья. (*Кланяются; имъ тоже*).

Кондыревъ, *долго молчитъ.*

Насъ послали изъ подъ Москвы ратные люди Украйныхъ городовъ.—Поспѣшите къ Москвѣ.—Терпимъ утѣсненіе великое отъ казаковъ.

Бѣгичевъ.

Грабятъ они, что только есть, и насъ утѣсняютъ. Мы пришли подъ Москву стать за Вѣру православную и за Русскую землю, противъ измѣнниковъ да Поляковъ; а тутъ казаки, да еще хуже ихъ, зло надъ нами чинятъ.

Кондыревъ.

Видимъ мы строеніе ваше въ Ярославлѣ; сердце радуется, глядя на ратныхъ людей. Вспомните братій вашихъ. Идите на выручку царствующему граду, Русской землѣ на спасеніе и намъ, братьямъ вашимъ, на избаву.

Бѣгичевъ.

Князь Дмитрій Михайловичь! Молимъ тебя: иди къ Москвѣ на спѣхъ, чтобъ и досталь намъ отъ казаковъ не погибнути.

Пожарской.

Слышите, братья, что творятъ безбожные казаки? Молятъ насъ братья наша идти къ нимъ въ помощь.

Козьма.

Это ужъ не казацкое посольство.

Народъ.

Не выдадимъ васъ, братьи нашей

Пожарской.

Горько намъ смотрѣть на васъ; знаемъ мы добрую вашу службу. Горько намъ, что терпятъ утѣсненіе православные люди.

Елизаръ.

Грѣхъ будетъ не помочь вамъ.

Многіе.

Не унывайте, братья.

Козьма.

Сердце болитъ, глядя на васъ.

Пожарской.

Оно и безъ того надо идти, и безъ того мы собирались; а вотъ какъ еще эта вѣсть приходитъ, слышимъ, что добрыхъ ратныхъ людей, что тамъ стоятъ, тѣснятъ казаки и грабятъ: такъ думать нѣчего; надо идти. Козьма Миничь, что твоя мысль? Ты Выборный отъ всей земли Русской, — скажи.

Козьма.

Да думаю я теперь, князь Дмитрій Михайловичь, съ твоимъ согласно: что мѣшкать нѣчего, надо идти.

Пожарской.

Такъ идемъ. (*Посланнымъ*). Идите же къ своимъ братьямъ и скажите, что мы тотчасъ собираемся; а какъ соберемся, тотчасъ и выступаемъ къ Москвѣ.

Посланные, *кланяются.*

Спасибо тебѣ, князь Дмитрій Михайловичь.

КОНДЫРЕВЪ.

Наградитъ тебя Богъ и васъ всѣхъ.

БѢГИЧЕВЪ.

Обрадуемъ братью нашу.

КОЗЬМА.

Видно такъ Богу угодно. — Идемъ подъ Москву на выручку Русской земли и вѣры православной.

НАРОДЪ.

Идемъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Такъ собираться, не мѣшкая, тотчасъ же, ратные люди православные. — Съ Богомъ, къ Москвѣ!

НАРОДЪ.

Къ Москвѣ!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

1612 годъ. Августа 19 — Октября 25.

ЯВЛЕНІЕ I.

Августа 19.

Поле недалеко отъ Яузы, за пять верстъ отъ Москвы. — Вечеръ.

Пожарской и Мининъ; войско въ отдаленіи.

Пожарской.

Слава Богу, не далеко до Москвы

Мининъ.

Пять верстъ.

Пожарской.

Я какъ пришелъ, послалъ князя Семена Васильевича съ нѣсколькими людьми къ Арбатскимъ воротамъ, мѣста посмотрѣть, гдѣ бы станомъ стать. — Время позднее; когда они еще воротятся; идти подъ Москву нéчего теперь; здѣсь лучше и остановимся, переночуемъ.

Мининъ.

Мы же шли скоро. Вчера отъ Троицы выступили, а нынче вечеромъ подъ Москвой.

Пожарской.

Вотъ, Козьма Миничь, мы и подъ Москвой.

Мининъ.

Да, князь Дмитрій Михайловичь. Скоро придется схватиться. Благослови Господи.

Пожарской.

Дай Господи намъ побѣдить, свободить Москву, домъ Пресвятыя Богородицы, и всю Русскую землю. Дай Господи вѣрѣ православной опять въ землѣ нашей православной сіять и славиться.

Мининъ.

Дай Богъ.—Кто это идетъ сюда?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и казаки. — Ратные люди Пожарскаго начинаютъ подходить и собираться.

Атаманъ Коломна.

Князь Дмитрій Михайловичь, здравствуй! Прислалъ насъ къ тебѣ князь Дмитрій Тимоѳеевичь тебѣ бить челомъ и тебя поздравить, что прибылъ ты во здравіи подъ Москву со всѣмъ твоимъ христолюбивымъ воинст-

вомъ; а проситъ тебя князь Дмитрій Тимоѳеевичь къ себѣ, стать вмѣстѣ.

Мининъ.

Вотъ что.

Пожарской.

Не къ чему это; мы и порознь станемъ.

Атаманъ Ташлыковъ.

Что же, князь Дмитрій Михайловичь, ты брезгуешь?

Коломна.

Ты развѣ нелюбье хочешь учинять?

Пожарской.

Какое нелюбье; про нелюбье толковать нѐчего. — Я такъ говорю не для того, чтобы ссориться, а для того, чтобъ ссоры не было.

Мининъ.

Нелюбье начинать? — Не вы бы говорили, не мы бы слушали.

Пожарской.

Намъ лучше стоять порознь; онъ съ своей стороны, а я съ своей нападемъ.

Ташлыковъ.

Мы тебя честью просимъ.

Мининъ.

Еще бы бранью.

Ратные люди.

Не хотите ли бранью? Ну!

Коломна.

Князь Дмитрій Михайловичь! Дмитрію Тимоѳеевичу будетъ то скорбно, отказъ твой принять.

Пожарской.

Знаю я, что намъ лучше съ нимъ не становиться вмѣстѣ.

Мининъ.

За чѣмъ намъ вмѣстѣ становиться?

Пожарской.

Да лучше спросимъ у всей рати. Совѣту дѣлать и выборныхъ выбирать нѐчего. А вотъ спросимъ у всѣхъ разомъ, сколько ихъ тутъ есть. (*Обращаясь къ войску*). Люди ратные! (*Они сходятся еще больше*). Князь Дмитрій Тимоѳеевичь проситъ насъ къ себѣ въ таборы, стать съ нимъ вмѣстѣ — Слышали вы?

Всѣ.

Слишали, князь Дмитрій Михайловичь!

Пожарской.

Что же скажете?

Всѣ.

Да не бывать тому.

Еремей.

Мы вотъ что думаемъ: тому не бывать, чтобъ намъ стать вмѣстѣ съ казаками.

Всѣ.

Не бывать.

Пожарской, *казакамъ.*

Вы слышите, что говоритъ рать. — Тоже и я говорю, и Козьма Миничь. — Такъ вы этотъ отвѣтъ князю Дмитрію Тимоѳеевичу и отнесите. Скажите, что бью я ему челомъ на его присылкѣ, а что намъ съ казаками вмѣстѣ не становиться.

Ташлыковъ.

Отнесемъ мы отвѣтъ этотъ, да не сладокъ онъ будетъ.

Одинъ изъ казаковъ.

Князь Дмитрій Михайловичь, ты вражды хочешь?

Пожарской.

Не хочу я ни вражды, ни ссоры; тутъ еще ссоры нѣтъ, а какъ станемъ вмѣстѣ, пожалуй выдетъ и ссора.

Ташлыковъ.

Да и этотъ отвѣтъ не больно ласковъ.

Пожарской.

Вмѣстѣ стать, я знаю, какъ разъ что нибудь да выдетъ, а такъ мы все въ миру будемъ.

Ташлыковъ.

Худой же этотъ миръ.

Пожарской.

Худой миръ лучше доброй ссоры. — Идите съ Богомъ.

Мининъ.

Добрый путь.

Въ народѣ.

Убирайтесь по добру, по здорову.

(*Казаки уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже безъ казаковъ.

Мининъ.

Что̀ задумали!

Пожарской.

Нѣтъ, нельзя намъ никакъ по ихъ просьбѣ и присылкѣ согласиться.

Въ народѣ.

Не бывать по ихъ просьбѣ. Подальше отъ нихъ, воровъ.

Пожарской.

А вотъ и Семенъ Васильевичь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и князь Прозоровской.

Пожарской.

Ну что?

Прозоровской.

Былъ я у Арбатскихъ воротъ; нашелъ тамъ мѣсто для стана.

Пожарской.

Дѣло.

Прозоровской.

А для нонѣшней ночевки есть тоже поудобнѣе мѣсто, меньше полверсты отсюда, по Яузѣ.

Пожарской.

Хорошо; такъ мы и перейдемъ туда тотчасъ же. Козьма Минычь, повѣсти всѣмъ остальнымъ. Идемте же. Веди насъ, князь Семенъ Васильевичь.

(*Всѣ уходятъ*).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ V.

Станъ Трубецкаго по ту сторону Москвы-рѣки.

Князь Трубецкой сидитъ у своей палатки; около него нѣсколько атамановъ. На сценѣ казаки одни играютъ въ зернь, другіе пьютъ, иные ходятъ взадъ и впередъ; пять головъ конныхъ сотенъ Пожарскаго тутъ же.

Одинъ казакъ, *играя съ другимъ*.

Эко дьявольское счастье; оголилъ ты меня.

Другой казакъ

Ну оголилъ; — мало ли что ли еще на Руси золота осталось? Еще есть, братъ, монастырей довольно; да и въ Кремлѣ казна.

Первый казакъ, *махнувъ рукой*.

Эхъ, да на это только надежда и осталась. Ну давай, давай!

(*Играютъ*)

Пьяный казакъ, *поетъ.*

Воля наша воля,
Счастливая доля!
Пей да бей,
Бей да пей,
Да гуляй!

Нѣсколько казаковъ.

Дѣло, дѣло.

Пьяный казакъ, *опять запѣваетъ.*

Пей да бей!

Одинъ изъ казаковъ.

Не паши и не сѣй!

Второй казакъ, *къ головамъ.*

Васъ-то бы, васъ-то бы намъ распоясать.

Третій казакъ.

Сёмка, что̀ ты, не трогай; это народъ добрый; они за насъ посѣютъ, за насъ сожнутъ, а наша братья сожгутъ.

(Хохотъ).

Четвертый казакъ.

За насъ наживутся, за насъ разбогатѣютъ, а мы возьмемъ.

(Новый хохотъ).

Пятый казакъ.

Они построятъ, а мы раззоримъ.

(Новый хохотъ).

Шестой казакъ.

Они на насъ работники.

(*Новый хохотъ*).

Седьмой казакъ.

Эхъ, казацкая сабля, пануй себѣ!

Первый голова, *подходя къ Трубецкому*.

Князь Дмитрій Тимоѳеевичь, не пора ли намъ ударить? Вѣдь битва давно началась.

Трубецкой.

Не учи меня; знаю я получше тебя, что дѣлать надо.

Ташлыковъ.

Что́ ты, воевода, что ли?

Трубецкой.

Да и воевода воеводѣ розь. Съ вашимъ не сваришь каши. Что́ онъ? — стольникъ, — а я бояринъ. А я выѣхалъ къ нему, какъ поднялся онъ съ ночевки, просилъ его честью стать вмѣстѣ,—не поѣхалъ.

Первый голова.

Да что́ намъ вмѣстѣ съ вами становиться, за чѣмъ?

Второй голова.

Вы намъ не товарищи, а мы вамъ; у васъ свое, у насъ свое.

Межаковъ.

И мы стоимъ за церковь.

Третій голова.

Да и грабите церкви.

Четвертый голова.

Хоть вы тамъ что́, — а съ вами въ однихъ таборахъ намъ не стоять.

Пятый голова.

Мы съ вами не ссоримся, а вмѣстѣ не станемъ.

Первый голова.

И князь Дмитрій Михайловичь дѣло сдѣлалъ, что по своей мысли, да и по мысли всѣхъ ратныхъ людей, отказалъ вамъ.

Трубецкой.

Ну пусть теперь узнаетъ, каково-то одному.

Пьяные казаки.

Гуляй молодцы!

Одинъ казакъ, *входя.*

Плохо, плохо приходится князю Дмитрію Михайловичу. Хоткѣвичь тѣснитъ его; онъ ужъ велѣлъ своимъ спѣшиться.

Головы.

Ахъ Господи, Твоя воля!

(*Казаки столпляются около нихъ*).

Первый голова, *казакамъ столпившимся.*

Что же, ребята? Коли вы люди православные, такъ помогите. Когда жъ и помочь какъ не теперь.

Казаки.

Ишь ты, помогите.

Первый казакъ.

Богаты больно пришли изъ Ярославля; и сами одни отстоятся отъ гетмана.

Другой казакъ.

Мы наги и босы.

Третій голова.

Отъ себя вы наги и босы.

Первый голова.

Такъ мы пойдемъ одни; оставайтесь.

Трубецкой.

Нѣтъ, я васъ не пущу; мнѣ вашъ воевода прислалъ васъ.

Четвертый голова.

Да что̀ ты, въ полону насъ что ли держишь?

Второй голова.

Да прислалъ онъ тебѣ насъ на то, чтобъ по̀мочь ему учинить, а не на то, чтобъ сложа руки стоять да смотрѣть, какъ братья наши погибаютъ.

Первый голова, *третьему.*

Антонъ Иванычь, ступай, взгляни съ берега, каково тамъ идетъ.

(*Третій голова уходитъ*).

Четвертый голова.

Еще съ этакими христопродавцами вмѣстѣ становиться!

*

Коломна.

Постой, что̀ ты больно ругаешься?

Четвертый голова.

Да что ужъ тутъ слово, когда видимое дѣло.

Межаковъ.

Не всѣ же такіе.

Первый голова.

Да вонъ, всѣ стоятъ, какъ ни въ чемъ не бывало; никому дѣла нѣтъ.

(Входитъ толпа ратныхъ людей Пожарскаго).

Одинъ изъ ратныхъ людей.

Елизаръ Еремеичь! Мы сейчасъ съ берега; худо нашимъ. Мы пришли къ вамъ бить челомъ, что нельзя же такъ смотрѣть, помощи не давши; а воровъ ждать намъ нѐчего.

Третій голова, *входя.*

Худо нашимъ приходится. Хоткѣевъ сильно напираетъ. Князь Дмитрій Михайловичь, Козьма Миничь— въ самомъ пылу; насилу держатся.

Головы.

На выручку къ нашимъ!

Трубецкой.

Я васъ не пущу.

Третій голова.

Ну-ка, попытайся.

Пятый голова.

Что̀ мы, у тебя въ полону, что ли?

Первый голова.

Братья, на коней! Съ Богомъ, къ нашимъ на выручку!

Всѣ ратные люди Пожарскаго.

Съ Богомъ на выручку! (*Уходятъ быстро*).

Коломна.

Э, что тутъ думать! По вашимъ ссорамъ гибель Московскому государству доходитъ. Впередъ за ними на помощь!

Атаманы Межаковъ, Козловъ и Романовъ.

На помощь!

Трубецкой.

Стойте!

Межаковъ.

И такъ отъ ссоръ много зла. Впередъ, ребята, за ними!

Часть казаковъ.

На помощь! (*Бѣгутъ на битву*).

Трубецкой.

Стойте, стойте! — Всѣ убѣгутъ.

Ташлыковъ.

Не бось, не всѣ. Такихъ дураковъ не много

Трубецкой.

Пойдемъ за ними, посмотримъ.

(*Всѣ уходятъ*).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Станъ князя Пожарскаго.

Пожарской, Черкасской, князь Лопата, Козьма и другіе.

Пожарской.

Ну, слава Богу. Помогъ намъ Господь въ первой битвѣ; теперь съ Богомъ же пойдемъ на вторую.

Черкасской.

Трубецкой намъ не поможетъ.

Князь Лопата.

Да Богъ поможетъ, уповаемъ.

Прозоровской.

Надо правду сказать: вѣдь хоть немного, а все къ намъ пришли казаки на помощь въ этой битвѣ.

Пожарской, *воеводамъ.*

Вы станете тамъ, гдѣ былъ деревянный городъ. Идите съ Богомъ.

Воеводы.

Прости, князь Дмитрій Михайловичь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже безъ воеводъ.

Пожарской.

Козьма Миничь! Пойдемъ и сами на бой.

Мининъ.

Ну, князь Дмитрій Михайловичь! Милосердый Богъ авось поможетъ.

Пожарской.

Мы только имъ и сильны. Ну, пора. *(Обнажаетъ мечь).* Впередъ, братья.

(Всѣ уходятъ кромѣ двухъ часовыхъ);

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Двое часовыхъ.

Первый.

Оставили насъ здѣсь сторожить до приказу.

(Раздается гулъ оружія).

Второй.

Чу, схватка началась.

Первый.

Дождались мы наконецъ Деремся теперь за Вѣру нашу православную Христіянскую.

Второй.

Мы-то съ тобой не деремся.

Первый.

Чтожъ, и часовые не даромъ. Какъ же безъ нихъ?

Второй.

А что, Стеньку съ другимъ мошенникомъ казнили?

Первый.

Нѣтъ. Ихъ привели сюда и показали всей рати. Рать-то ихъ убить хотѣла; да князь Дмитрій Михайловичь убить не далъ, да на всѣ четыре стороны и отпустилъ.

Второй.

И ничего имъ не сдѣлалъ?

Первый.

Ничего не сдѣлалъ.

Второй.

Ну, незлобивъ, спаси его Господи!

Первый.

Вѣдь казаки не помогутъ нашимъ.

Второй.

Можетъ усовѣстятся.

Первый.

Смотри-ка, князь Дмитрій Петровичь идетъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и князь Лопата.

Князь Лопата.

Гдѣ Аврамій?

Второй.

Тутъ, недалеко, у Ильи Обыденнаго. А что, князь Дмитрій Петровичь?

Князь Лопата.

Тѣсно становится; опрокинули было насъ, да Дмитрій Михайловичь устоялъ.

Первый.

Такъ чтожъ тебѣ Аврамій?

Князь Лопата.

Надо его къ казакамъ послать; они его любятъ; авось онъ уговоритъ ихъ, авось усовѣстятся.

Второй.

Наврядъ.

(*Князь Лопата уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже безъ князя Лопаты; потомъ Мининъ.

Первой.

Каково-то у нихъ, Господи помилуй!

Второй.

Вонъ Козьма Миничь.

Козьма, *входитъ*.

Вы здѣсь; — ступайте и вы за мной; теперь не до сторожки. Надобны всѣ ратные люди, сколько ни насесть, въ дѣло. Князь Дмитрій Михайловичь велѣлъ мнѣ брать кого хочу. За мною же, къ Крымскому Броду.

Первый.

Слава Богу!

Второй.

Что, какъ идетъ?

Козьма.

Полегче не много. Да вотъ мы отъ Крымскаго Брода ихъ примемъ. Я возьму цѣлый отрядъ. Ну, братья, дай Господи намъ удачи!

Оба часовые.

Съ Богомъ!

(Всѣ уходятъ).

Премѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Поле, берегъ Москвы-рѣки.

Князь Лопата; съ противоположной стороны князь Пожарской.

Князь Лопата.

Бѣжитъ Хоткѣевъ! Козьма Миничь дѣло порѣшилъ.

Пожарской.

Побѣда! Слава тебѣ Господу нашему! Побѣда, побѣда!

ЯВЛЕНІЕ XII

Тѣже и Прозоровской, и потомъ Козьма съ ратными людьми и другіе воеводы.

Прозоровской.

Побѣда! Слава Богу! Побѣда!

Козьма, *входитъ.*

Князь Дмитрій Михайловичь, побѣда!

Всѣ.

Побѣда! Слава Богу, слава Богу!

Пожарской.

Молодецъ ты, Козьма Миничь. Славно ты ихъ отъ Крымскаго-то Брода принялъ.

Козьма.

Далъ намъ Господь удачу, укрѣпилъ насъ.

Пожарской.

Неизреченно милостивъ Господь.

Прозоровской.

И казаки усовѣстились, помогли.

Образцовъ.

Говорятъ, имъ Аврамій казну монастырскую посулилъ.

Мансуровъ.

А можетъ и такъ ихъ усовѣстилъ.

Пожарской.

Спасибо и имъ за то. Ну, Козьма Миничь, ну, воеводы,—слава Богу, побѣда! милость Господня на насъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже, и Черкасской съ ратными людьми.

Пожарской.

Дмитрій Мамстрюковичь! Стой! Куда ты?

Черкасской.

Въ погоню. Поляки бѣгутъ. Рать такъ и рвется за ними.

Пожарской.

Зачѣмъ? Стойте! Чтобъ не было погони!—Пусть ихъ бѣгутъ. Въ одинъ день не бываетъ двухъ радостей. Пойдемте благодарить Бога за неизреченную его милость.

Всѣ.

Пойдемъ, князь Дмитрій Михайловичь, пойдемъ. Слава Богу нашему!

(*Уходятъ*).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Изба на Неглинной.

Князь Пожарской, князь Лопата, Мининъ и другіе входятъ.

Пожарской.

Вотъ мы и пріѣхали, и прежде князя Дмитрія Тимоѳеевича. Нѣчего, кажись, ему будетъ на меня кручиниться. Вѣдь я не обидѣть его хотѣлъ, что къ нему въ станъ не поѣхалъ, да и теперь не ѣду; — а вѣдь кто знаетъ его казаковъ.

Князь Лопата.

Что и говорить. Нельзя имъ вѣрить. Не по одной своей волѣ не ѣздишь ты въ станъ, князь Дмитрій Михайловичь, а по приговору всей рати. Мы боимся за тебя отъ казаковъ злаго умысла.

Мининъ.

Вотъ по приговору всей же рати съ ними вмѣстѣ мы и стать не хотѣли.

Пожарской.

То-то, а не изъ спѣси какой нибудь. Какая тутъ спѣсь: я ему не ровня; онъ бояринъ, а я стольникъ. А вмѣстѣ становиться съ ними не надо и за тѣмъ еще: что какъ станутъ люди добрые, православные, съ его разбойниками казаками? —

Прозоровской.

И слова нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣже и князь Трубецкой съ нѣкоторыми.

Пожарской, *встрѣчаетъ его.*

Здравствуй, князь Дмитрій Тимоѳеевичь!

Трубецкой.

Здравствуй, князь Дмитрій Михайловичь!

Пожарской.

Давно пора было намъ, князь Дмитрій Тимоѳеевичь, всякіе межи насъ раздоры покончить.

Трубецкой.

Я, князь Дмитрій Михайловичь, раздоровъ не чинилъ.

Пожарской.

Ну да на меня гнѣвался. — А то вѣдь то ли дѣло. одинъ къ другому ѣздить незачѣмъ, а станемъ съѣзжаться вмѣстѣ на Неглинной, и всякія дѣла станемъ дѣлать вмѣстѣ.

Трубецкой.

Я на то согласенъ, будемъ въ одиначествѣ.

(*Садятся*).

Пожарской.

Дошла ли тебя та вѣсть, князь Дмитрій Тимоѳеевичь, что Гетманъ хочетъ запасы въ Кремль провезти.

Трубецкой.

Нѣтъ, не слыхалъ. — Намъ пускать не надо.

Пожарской.

Не надо, что и говорить. — Да какъ не пустить?

Трубецкой.

Какъ твоя мысль?

Пожарской.

А вотъ какъ. Надо бы туры подѣлать отъ Москвы рѣки до Москвы же рѣки; она вѣдь тутъ изгибъ даетъ;—и ровъ прокопать, да и смотрѣть денно и нощно.

Трубецкой.

Ты дѣло говоришь, князь Дмитрій Михайловичь. Все то подѣлать да и смотрѣть; а запасовъ намъ туда пропускать не надо никакими мѣры.

Пожарской.

Ну, а про Китай-городъ; — надо намъ взять его не мѣшкая.

Трубецкой.

Надобно.

Пожарской.

Такъ вмѣстѣ теперь надъ Китаемъ-городомъ промышлять будемъ?

Трубецкой.

Вмѣстѣ; мы и все теперь вмѣстѣ дѣлать станемъ.

Пожарской.

Ну такъ, князь Дмитрій Тимоѳеевичь, теперь намъ кажется толковать съ тобой еще не о чемъ. Надо было свидѣться да объ дѣлѣ постановить. — Такъ прощай; я пойду отдать рати приказъ тотчасъ же.

Трубецкой.

И я пойду отдать приказъ своей рати; что̀ мѣшкать.

Пожарской.

Такъ прощай, князь Дмитрій Тимоѳеевичь!

Трубецкой.

Прощай, князь Дмитрій Михайловичь!

(Всѣ уходятъ).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Наружный видъ Кремля. Троицкія ворота. — Каменный мостъ черезъ Неглинную.

Толпа казаковъ.

Первый казакъ.

Ну, товарищи, знаете ли вы? Голодная Литва проситъ боярынь и всѣхъ бабъ выпустить изъ Кремля-города.

Второй.

Что̀ ты?

Первый.

Ишь, говорятъ, бабы ѣдятъ много; всѣхъ крысъ переѣли, однѣ мыши остались; такъ мышей-то ужъ сами они ѣсть хотятъ, не дадутъ бабамъ. За тѣмъ ихъ и выпускаютъ.

Третій.

Молчи, что ты мелешь? Тамъ еще пол-собаки не доѣдено, да вороній носъ не обглоданъ. — Такъ вонъ оно сколько.

(*Хохотъ*).

Первый.

Такъ, да поживиться-то намъ можно; вѣдь чай боярыни всѣ выдутъ въ монистахъ; шубъ да жемчугу чай не съѣли.

(*Хохотъ.*).

Второй.

Ну, держитесь боярыни!

Третій.

Вонъ Пожарской лезетъ съ цѣлымъ отрядомъ. Отойдемте.

(*Удаляются*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣже, Пожарской, Мининъ и ратные люди.

Пожарской.

Ну, слава Богу! Китай-городъ взятъ; а кажется и Кремль не долго Поляки держать будутъ. Изъ Кремля просили выпустить боярынь и другихъ женщинъ. Примемъ ихъ, братья, съ честью. Вонъ никакъ онѣ выходятъ.

(*Растворяются вороты; боярыни показываются на мосту*).

Пожарской, *смотритъ.*

Вонъ это княгиня Мстиславская; какъ изхудала, бѣдная! Вышли всѣ. Вонъ и ворота затворили. (*Боярыни приближаются*). Вонъ это....

(*Казаки съ крикомъ кидаются на боярынь*).

Пожарской, *кидается къ нимъ.*

Чтó вы? Грабить? Прочь, разбойники! Не дадимъ! (*Пожарской съ отрядомъ загораживаетъ боярынь*).

Казаки.

Убирайся, князь Дмитрій Михайловичь, всему помѣха! Убирайся, не твое дѣло!

Мининъ.

Убирайтесь сами вы, бездѣльники!

Первый казакъ.

Молчи, сухая рука!

(*Кидаются вновь. Пожарской и отрядъ его не пускаютъ*).

Ратные люди.

Прочь, воры!

Казаки, *обнажаютъ сабли.*

Ну, коли такъ, мы васъ напередъ перещупаемъ.

Пожарской и ратные люди, *обнажаютъ сабли.*

Ну, суньтесь, воры, ну!

Второй казакъ.

Ишь, сами богаты, такъ намъ поживиться не даютъ.

Пожарской.

Поживиться, разбойники! Своихъ грабите, да еще женъ слабыхъ.

Третій казакъ.

Ну ты, разхныкался.

(Хотятъ снова броситься).

Пожарской.

Ну такъ что же? Суньтесь!

(Казаки ворча отходятъ).

Первый казакъ.

Мужики эти все на перекоръ.

Второй казакъ

Ступайте землю пахать!

Третій казакъ.

Траву косить.

Четвертый казакъ.

Хлѣбъ жать.

Пятый казакъ.

Снопы молотить!

Первый ратникъ.

Вотъ мы васъ вспашемъ!

Второй ратникъ.

Подкосимъ вамъ ноги!

Третій ратникъ.

Сожнемъ васъ всѣхъ!

Четвертый ратникъ.

Да и отмолотимъ.

Казаки.

Ишь, забіяки, — добро!

*

Первый казакъ.

Охъ ужъ этотъ Пожарской! Я бъ его на Пожаръ.

Пожарской.

Ну, дальше, отходите.

Мининъ.

Ну, убирайтесь.

Ратные люди.

Ну, ну, проваливайте!

(*Казаки удаляются съ ропотомъ*).

Пожарской, *княгинѣ Мстиславской и всѣмъ женщинамъ.*

Здорова ли ты, княгиня? Здоровы ли вы всѣ?

Княгиня Мстиславская.

Не пуще здорова, изтомилась вся.

Шереметева.

Ахъ, напугали было казаки; да спасибо тебѣ, князь Дмитрій Михайловичь, не далъ въ обиду.

Женщины.

Испужались было мы. Спасибо тебѣ, князь Дмитрій Михайловичь.

(*Кланяются*).

Пожарской.

Не на чемъ. Отдохните, боярыни. Пройдите въ мой станъ; милости прошу. Проводи ихъ, Козьма Миничь.

Женщины, *кланяются.*

Спасибо тебѣ; прости, князь Дмитрій Михайловичь!

Пожарской.

Не на чемъ. Простите.

(*Женщины съ Мининымъ и частью ратныхъ людей уходятъ*).

Явленіе XVIII.

Тѣже и Польской Ротмистръ.

Ротмистръ.

Князь Дмитрій Михайловичь! Панъ Струсь сдаетъ вамъ Кремль. Онъ прислалъ прежде меня сказать вамъ о томъ. Напередъ онъ выпуститъ бояръ. Онъ ихъ сейчасъ и выпуститъ.

Пожарской.

Сдаетъ! Слава тебѣ Господи! Такъ сдаетъ!—Ты сходи къ князю Дмитрію Тимоѳеевичу Трубецкому. Мы съ нимъ теперь съобща дѣла дѣлаемъ.

Ротмистръ.

Только вотъ что, князь: панъ Струсь проситъ, чтобы всѣмъ намъ быть плѣнными у тебя.

Пожарской.

Этого нельзя сдѣлать. — Свои — другое дѣло. А вѣдь вы плѣнниками будете. Какъ же? — Мы вѣдь городъ съ Трубецкимъ вмѣстѣ возьмемъ; такъ вѣдь по обычаю и полонъ пополамъ; онъ тоже плѣнныхъ взять себѣ можетъ; а взять онъ захочетъ.

Ротмистръ.

Постарайся, князь; защити насъ отъ казаковъ.

Пожарской.

Что можно, то сдѣлаю. А плѣнныхъ всѣхъ взять себѣ не могу.

Ротмистръ.

Намъ дѣлать нечего; намъ уже все равно; приходится сдаться.

Пожарской.

Радость великую ты мнѣ сказалъ, что сдаете вы намъ Кремль.—Такъ иди къ князю Трубецкому, скажи и ему. — Можетъ онъ и усовѣстится.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣже безъ Ротмистра. Потомъ Козьма Мининъ.

Пожарской.

Такъ Москва наша, и бояре сей часъ выйдутъ. — Господи! (*Козьма входитъ*). Козьма Миничь! Москва наша! — Струсь сдаетъ Кремль. Сей часъ приходилъ ко мнѣ ротмистръ отъ него и сказывалъ. Пошелъ онъ теперь къ князю Трубецкому. Струсь выпуститъ сперва бояръ; сей часъ ихъ выпуститъ.

Мининъ.

Господи! Слава тебѣ! Такъ Москва скоро освободится. Мы войдемъ въ Кремль!

Пожарской.

Вотъ радость, вотъ милость Господня! *(Ратнымъ людямъ).* Люди ратные, люди православные! Слышите ли вы? Намъ сдаютъ Москву. Москва наша!

Ратные люди.

Наша! наша! Слава тебѣ, Господи!

Пожарской.

Милосердъ Богъ нашъ. Наконецъ-то наша Москва. Поздравляю тебя, Козьма Миничь! Поздравляю васъ, люди православные! Обнимемся.

(Обнимаются).

(Толпа казаковъ въ теченіи разговора показывается).

Первый казакъ, *къ другимъ.*

Слышали вы? Бояре сейчасъ выдутъ. Ну, этихъ мы не выпустимъ такъ.

Второй казакъ.

Зовите нашихъ побольше.

(Часть казаковъ уходитъ).

Пожарской.

Что Трубецкой самъ нейдетъ?

Мининъ.

Да кто его знаетъ; не хочетъ чай при всемъ народѣ казакамъ потакать. Вѣдь онъ плутъ, да и размазня.

Пожарской.

Бояръ нашихъ въ Кремлѣ довольно.

(Бояре показываются).

Мининъ.

Вонъ бояре идутъ.

Пожарской.

Старые знакомые. (*Подходитъ ближе*). Вонъ князь Өедоръ Ивановичь, князь Иванъ Семеновичь, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ....

(*Казаки кидаются къ боярамъ*).

Мининъ.

Князь Дмитрій Михайловичь! Опять казаки!

Пожарской, *съ ратными людьми заслоняетъ бояръ.*

Вы опять грабить!

Казаки.

Вы опять не давать!

Мининъ.

Опять не давать.

Казаки.

Зовите нашихъ скорѣе.

(*Нѣсколько казаковъ уходятъ*).

Пожарской, *сотенному головѣ.*

Зови сюда побольше ратныхъ людей.

(*Голова поспѣшно уходитъ*).

(*Раздаются литавры*).

Мининъ.

Они боемъ на насъ идутъ;—ну, добро! Посмотримъ!

Пожарской.

Совѣсти въ васъ нѣтъ, въ ворахъ.

Атаманъ Ташлыковъ.

Учить еще вздумалъ! — Это Авраміево дѣло.

(*Появляются казаки съ распущенными знаменами*).

Атаманы.

Вотъ и наши.

Мининъ, *смотря въ сторону.*

Да вотъ и наши.

(*Появляется рать Пожарскаго. Рати становятся въ боевой порядокъ*).

Пожарской, *обнажаетъ саблю и всѣ его ратные люди. Казакамъ.*

Мы вамъ бояръ не подадимъ: это вы знайте. А коли не хотите разойдтись, не хотите отъ вашего умысла отстать, — и намъ съ вами биться.

Мининъ.

Ну, суньтесь.

Атаманы.

Нѐчего на нихъ смотрѣть! Впередъ, товарищи!

Коломна, *останавливая казаковъ; къ Пожарскому.*

Да что́ вы, за измѣнниковъ вѣдь вы стоите.

Пожарской.

Грабить никого не надо; а это все бѣдные наши братья; можетъ они и каятся въ своей измѣнѣ. Да грабить и никого, и враговъ не надо.

Казаки.

Что́ ихъ слушать! (*Кидаются вновь*).

Атаманъ Ташлыковъ, *рати Пожарскаго.*

Эхъ, вы! (*Казакамъ*). Послушайте, ребята. Изъ чего мы будемъ драться? Съ бояръ вѣдь еще не велика пожива.

Межаковъ.

Кровь Христіянскую изъ-за этого проливать не стоитъ.

Нѣкоторые Атаманы.

И вправду, что съ нихъ за большая пожива.

Нѣкоторые казаки.

Жалко такъ пустить.

Коломна.

Не тѣмъ, такъ другимъ мы свое возьмемъ; а теперь не стоитъ намъ и драться. — Такъ и быть, пойдемте въ станъ.

Ратные люди.

Уходите, ребята; здоровѣе будетъ.

Казаки.

Ишь, они ругаются.

Коломна.

Ну да что, брань на вороту не виснетъ.

Межаковъ.

Мы возьмемъ свое, гдѣ поприбыльнѣе.

Коломна.

А теперь пойдемте.

Казаки.

Ну, такъ и быть. Въ самомъ дѣлѣ, не изъ чего и драться. Добро, пойдемъ.

Ратные люди.

Убирайтесь, убирайтесь!

Казаки, *съ ропотомъ, уходя и грозя.*

Ну вы, тише, мужичье! (*Уходятъ*).

(*Князь Мстиславской и другіе сходятъ съ моста. Князь Пожарской и другіе встрѣчаютъ ихъ и кланяются; они тоже*).

Пожарской.

Здравствуйте, бояре, дворяне, торговые люди и всѣ люди православные! Здоровы ли?

Всѣ, *кланяются.*

Здоровы; благодаримъ тебя, князь Дмитрій Михайловичь.

Пожарской, *Мстиславскому.*

Князь Ѳедоръ Ивановичь!

Мстиславской, *со слезами.*

Ахъ, князь Дмитрій Михайловичь. Слава Богу! Видимъ мы васъ. Богъ помогъ вамъ на насъ грѣшныхъ.

Пожарской.

Слава Господу; свобождаетъ землю Русскую и Вѣру православную.

Шереметевъ.

Грѣшны мы; не понадѣялись, что защититъ Господь и спасетъ Русскую землю.

Куракинъ.

Подумали мы, что помощь Королевская нужна; не думали мы, чтобы сама Русская наша земля, одна да съ Божіею помощію, спаслася.

Шереметевъ.

А Господь милосердый спасаетъ Русскую землю и Вѣру православную; обличилъ и постыдилъ насъ грѣшныхъ. Слава Господу!

Мстиславской.

Грѣшны мы, виноваты передъ вами; простите насъ, православные люди.

(*Мстиславской и всѣ, что съ нимъ кланяются*).

Народъ, *кланяется.*

Богъ проститъ.

Мстиславской, *Пожарскому.*

А который Козьма Миничь?

Пожарской.

Вотъ Козьма Миничь.

Мстиславской.

Ахъ, Козьма Миничь! Слышали мы о тебѣ много. Спасибо тебѣ.

Пожарской.

Я безъ его совѣту ничего не дѣлалъ.

Всѣ, *кланяются Козьмѣ Миничу.*

Спасибо тебѣ, Козьма Миничь.

Мининъ.

Князь Дмитрій Михайловичь, князь Дмитрій Михайловичь! Не нужна тебѣ людская похвала; не хочешь ты ея. Богъ тебя знаетъ и видитъ, и видитъ Онъ твое смиреніе.

Шереметевъ.

Спасибо и князю Дмитрію Михайловичу, и тебѣ, Козьма Миничь, и вамъ всѣмъ добрымъ людямъ.

Пожарской.

Одному Богу благодаренье. — Хваленіе Господу, Владыкѣ нашему воздадимъ. Пойдемъ, князь Ѳедоръ Ивановичь, и ты князь Иванъ Семеновичь, и ты Ѳедоръ Ивановичь, и вы всѣ православные люди, пойдемте въ мой станъ; радость сегодня великая. Пойдемте же всѣ, возблагодаримъ Господа, люди православные, за его къ намъ неизреченную милость.

(Всѣ уходятъ).

Перемѣна декораціи.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Внутренность Кремля.

Вечеръ.

Человѣка четыре ратныхъ людей, иные сидятъ на грудѣ камней, иные стоятъ. Стрѣльцы стоятъ на стражѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи, на стѣнахъ, на башняхъ и у воротъ.

Елизаръ.

Вечерѣетъ. День какой доброй.

Антонъ.

Легко какъ-то; точно гора съ плечъ свалилась; опять въ Кремлѣ сидишь да поглядываешь около.

Иванъ.

Да, легко на душѣ. Опять обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ отслушали.

Ермилъ.

Благодатный денекъ. — Какъ въ Кремль-то вошли, какъ вѣдь радостно. Вышелъ къ намъ на встрѣчу Архіепископъ Арсеній съ иконою Владимерскія Божія Матери, съ колокольнымъ звономъ: хорошо!

Антонъ.

Слава Господу. Смиловался надъ нами; спасъ царствующій градъ нашъ Москву, и Русскую землю спасаетъ, и Вѣра православная опять въ Москвѣ славится.

Всѣ.

Слава Богу.

Ермилъ, *поглядывая.*

Повычинить стѣны надобно.

Иванъ.

Вычинимъ теперь, вычинимъ.

Антонъ.

Мало ли еще чего сдѣлать, поправить.

Елизаръ.

Поправимъ теперь, Богъ дастъ.

Иванъ.

Куда ни взглянешь по улицамъ, вездѣ нашихъ ратныхъ людей видишь; ходятъ теперь по всему городу безъ помѣхи. Наша опять Москва, свободилась Божіею милостію.

Всѣ.

Слава Богу.

Иванъ.

Время-то какое славное стоитъ.

Антонъ.

Да, и ночи теперь мѣсячныя.

Елизаръ.

Вонъ Еремей идетъ.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣже и Еремей.

Антонъ.

Еремей, откудова ты?

Еремей.

Всѣ церкви обходилъ, къ образамъ прикладывался, и всѣ стѣны въ Кремлѣ обошелъ, индо усталъ.

Иванъ.

Ну, садись отдохни.

(*Еремей садится*).

Антонъ.

Теперь всѣ мы словно отдыхаемъ, по милости Божіей.

Всѣ.

Да.

Елизаръ, *Еремею*.

Ну что, много вездѣ попорчено?

Еремей.

Есть. — Ничего. Богъ дастъ, все выправимъ.

Антонъ.

Еще краше прежняго Москва будетъ.

Еремей.

Вонъ князь Дмитрій Михайловичь.

(*Всѣ встаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣже и князь Пожарской.

Всѣ.

Здравствуй, князь Дмитрій Михайловичь!

Князь Пожарской.

Здравствуйте. — Что́, отдыхаете?

Иванъ.

Да вотъ, князь Дмитрій Михайловичь, сидимъ въ Кремлѣ, да поглядываемъ; да какъ-то радостно.

Князь Пожарской.

Радостно-то радостно, по неизреченной милости Божіей. — Въ Успѣнскомъ Соборѣ, опять какъ прежде, хвалу Богу воздали.

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣже и Козьма Мининъ.

Князь Пожарской.

Вотъ и Козьма Миничь. — Ну что̀, Козьма Миничь?

Козьма Мининъ.

Да что, князь Дмитрій Михайловичь, — одно: благодареніе Господу, Слава Богу нашему!

Всѣ.

Слава Богу нашему!

Князь Пожарской.

Однако поздно. Прощайте, братья. — Пойдемъ, Козьма Миничь.

Мининъ.

Прощайте.

Всѣ.

Прощай, князь Дмитрій Михайловичь; прощай, Козьма Миничь!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣже безъ князя Пожарскаго и Минина.

Елизаръ.

Опять Стрѣльцы, какъ прежде, по стѣнамъ и по всѣмъ мѣстамъ, въ Кремлѣ на стражѣ стоятъ.

Еремей, *оглядываясь.*

Да.

Ермилъ.

Вотъ этакіе люди, какъ князь Дмитрій Михайловичь, да Козьма Миничь, — вотъ это люди святые.

Антонъ.

Да, благослови ихъ Господь.

Иванъ.

Князь-то Дмитрій Михайловичь, смиренъ какъ.

Елизаръ.

Да, нечего и говорить. Чистъ передъ Богомъ, правъ передъ людьми.

Антонъ.

Онъ, слышно, храмъ Казанской Божіей Матери заложить хочетъ, въ память спасенья нашего.

Ермилъ.

Какъ онъ съ Козьмой Миничемъ,—душа въ душу.

Иванъ.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Козьма Миничь вѣдь тоже, какой человѣкъ.

Елизаръ.

Благослови Господь ихъ обоихъ, князя Дмитріа Михайловича, да Козьму Минича. Благослови Господи всѣхъ православныхъ людей. Благослови Господи всю Русскую землю!

Всѣ.

Благослови Господи!

Ермилъ.

Совсѣмъ темно становится. Скоро Стрѣльцы начнутъ свою перекличку. — Пойдемте по домамъ.

(*Уходятъ*).

Еремей и Елизаръ, *стоятъ еще нѣсколько времени, и потомъ другъ къ другу.*

Пойдемъ.

(*Уходятъ*).

Сцена пуста.

Стрѣльцы начинаютъ свою перекличку.

Первый.

Славенъ городъ Москва!

Второй.

Славенъ городъ Кіевъ!

Третій.

Славенъ городъ Владиміръ!

(Занавѣсъ начинаетъ опускаться).

Четвертый.

Славенъ городъ Суздаль!

Пятый.

Славенъ городъ Ростовъ!

Шестой.

Славенъ городъ Смоленскъ!

Седьмой

Славенъ городъ Новгородъ!

(Занавѣсъ опускается).

Конецъ пятаго и послѣдняго дѣйствія.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Не дѣлая подробныхъ примѣчаній, не прилагая оправдательныхъ статей, я указываю здѣсь только на слѣдующія мѣста въ моей драмѣ, на которыя указать необходимо.

Въ III-мъ дѣйствіи: Грамота, читаемая въ народѣ,—подлинная.

Въ IV-мъ дѣйствіи: Въ первой и второй рѣчи Пожарскаго — выписки изъ подлинныхъ грамотъ. Посольство князя Оболенскаго съ возраженіями Пожарскаго — все подлинное. Это одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей древней жизни, дошедшихъ до насъ. Первая рѣчь князя Оболенскаго въ драмѣ сокращена; все же остальное до словъ Оболенскаго включительно: «*Не нашія не Греческія вѣры на государство не хотимъ.*» — сохранено въ точности.

Сверхъ того, въ драму вошли нѣкоторыя выраженія, сохранившіяся въ исторіи.